

ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН

УБИТЬ
МИРОТВОРЦА

ЗВЕЗДЫ

ОБЪЕДИНИ

Дмитрий Михайлович Володихин
Убить миротворца
Серия «Мир Лабиринта», книга 5

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171159
Убить миротворца: АСТ; М.:; 2003
ISBN 5-17-016664-8

Аннотация

Далекое будущее Земли?

Нет – два далеких будущих Земли, существующих параллельно!

В одном – прочные мир и процветание, обеспеченные жесткой диктатурой.

В другом – бесконечные кровопролитные войны.

Но – что случится, если однажды граница между параллельными реальностями рухнет?

Что случится, если встретятся однажды двойники из «мира войны» и «мира мира» – боевой офицер, уставший убивать, и человек, готовый на любую жертву и любое преступление, лишь бы убить миротворца?..

Содержание

Глава 0	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	43
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Дмитрий Володихин

Убить миротворца

*Моим родителям Людмиле Всеволодовне
и Михаилу Васильевичу посвящается.
Честные, умные, работающие люди.*

*Я здоров, я совершенно, абсолютно здоров.
Я улыбаюсь – я не могу не улыбаться:
из головы вытащили какую-то занозу,
в голове легко, пусто.*

(Евгений Замятин. «Мы»)

*Когда все было кончено,
поредевшие ряды сомкнулись,
и притихшая масса двинула со двора.
Животные были ошеломлены и подавлены.*

(Джордж Оруэлл. «Скотский хутор»)

*Я был Прогрессором всего три года,
я нес добро, только
добро, ничего кроме добра,
и, господи, как же они
ненавидели меня, эти люди!
И они были в своем праве.
Потому что боги пришли,
не спрашивая разрешения.*

*Никто их не звал, а они вперлись и
принялись творить добро.*

(Аркадий и Борис Стругацкие. «Волны гасят ветер»)

*А хочешь, комиссар, я те по рожке смазну?
(Алексей Добродеев. «Русский пирог»
Цитата по памяти, но без нее – никак.
Она тут главная)*

Глава 0

Офицерский рефлекс

*10 апреля 2125 года, за 3 минуты до всего остального
Орбита Титана*

Виктор Сомов, 29 лет

Флот Русской Европы поддерживает старинные традиции. Экипажи кораблей разделены на три вахты. Одна из них отдыхает, другая дежурит, а третья поддежуривает, то есть питается или работает вне боевых постов. Через каждые четыре часа вахты меняются. Таким образом, в сутки каждая из вахт спит и дежурит два раза по четыре часа. Если вы чуть-чуть не доспали, вам этого времени никто не вернет. Потому что спать хотят все. Опоздаете на смену, и любящие вас боевые товарищи намылят вам рожу.

Теперь все-таки представьте себе, что вы наконец уснули.

Бессонница мучила вас не менее часа, но потом вы ее победили и отошли в царство Морфея с мимолетной мыслью: «Кое-что осталось...»

Сигнал тревоги посылают на чип *каждому* члену экипажа. Спит ли он, дежурит ли, а может быть, поддежуривает, – сигналу все едино. И так он, стервец, взбудораживает чип, установленный как раз над вашей переносицей, что черепная коробка норовит разлететься на тысячи обиженных осколков. Но вы – боевой офицер, а не какой-нибудь гражданский шпак. Вам это не в новинку. Вы вскакиваете, и, еще не осознав происходящего, подчиняетесь рефлексу, который выработан у вас изощренно злобным сержантом с ускоренных курсов командного состава... Редкостной сволочью. Руки ваши сами собой отключают магнитный замок гамака, а потом сами собой ищут обувь. Поскольку на борту поддерживается искусственная сила тяжести в четыре раза меньше земной и в четыре с хвостиком меньше терранской, вам положены штатные флотские полусапоги с магнитной начинкой. Вы, разумеется, пытаетесь их натянуть. Но не можете. Смотрите вниз. Полусапоги выглядят нормально. Отличные полусапоги... Жаль, не ваши. Меньше на два размера. Потому что ваши надел гад Хосе, сосед по офицерскому кубрику. Вы с ним, качаясь в гамаках, до одури болтали о женах и о бабах в целом, особенно же о Маше Пряхиной, а потом он убрел на вахту. И таблеточку принял, видно, уже в коридоре, поскольку необыкновенную свободу ступней почувствовал

преступно поздно. Возвращаться, разумеется, не стал. Потому что кретин. А вы остались и все пробовали заснуть. Есть у таблетки такой побочный эффект: не только трезвит, но и бодрит необыкновенно...

Теперь, если не сложно, выскажите, пожалуйста, все то, что вам пришло в голову при взгляде на эти несчастные, ни в чем не виноватые полусапоги. О них, бедолагах, о гаде Хосе, о его семье, друзьях и приятелях, о сигнале тревоги, об Аравийской Лиге, о космическом флоте Русской Европы, о славном боевом экипаже вашего корабля, и конечно же, о справедливом устройстве всего мироздания. Можете? Стесняетесь – вот так сразу, перед незнакомыми людьми? А Виктор Сомов, не сомневайтесь, высказал все это вслух, притом вдвое больше всего того, что вы можете себе представить в качестве предельно допустимой концентрации. Затем он все-таки изнасиловал полусапоги. С особым армейским цинизмом.

Часть 1

Две России

Глава 1

Милый дом

10 апреля 2125 года.

Московский риджн, Чеховский дистрикт.

Дмитрий Сомов, 32 года.

3000 евродолларов – это много или мало? Если за день работы – совсем нехудо, хотя есть люди, которые подобную сумму сочтут слишком ничтожной даже для карманных расходов. А если в год? Конечно, жить можно и в такой нищете... Но надо быть либо святым, либо полным идиотом. Или скажем, лентяем, социально-ненадежным типом, интеллектуалом... Любым из тех, кому по определению много платить не станут.

Дмитрий Сомов получал три тысячи в месяц. Он был из middle-middle. Иными словами, из крепких середняков. Крепким середнякам всегда не хватает денег. Крепким середнякам всегда хочется зарабатывать три тысячи в день. Или даже пять тысяч. У крепких середняков в голове изо дня в день ведутся два гроссбуха. Один из них – в обложке

из крокодиловой кожи, ну, или хотя бы из дорогого имитатора крокодиловой кожи. На ней, разумеется, застёжки из темной меди с монограммой владельца. А внутри универсальный электронный модуль с полладони размером. Некоторые пажоны предпочитают уэм поменьше, но ведь неудобно же: цифирьки-буковки не разглядишь... Именно таким – с кожей, медью и модульчком – представляется крепкому середняку 30-х годов ХХII века ежедневник vip-персоны. И именно в таком гроссбухе наподобие ежедневника какого-нибудь ви-пуха крепкий середняк мысленно ведет блистательную иллюзорную бухгалтерию. На страничке слева он небрежно пишет: в неделю – двадцать одна тысяча евродолларов... То есть нет. Ведь не будут же платить за уикенд! Значит, пятнадцать тысяч. Хорошо. Да, определенно, не стоит зарываться: пятнадцать тысяч в неделю – оч-чень приличные деньги. Шестьдесят-семьдесят тысяч в месяц. А? Понимаете? А на правой стороне пишутся всяческие статьи расхода. Например, домик в Подмосковье, желательно в стиле а ля русс. Под дерево. Какие были когда-то у герцогов или, скажем, бояр в Российской империи. Сейчас солидные люди считают русский стиль модным. Или... контракт на приличную женщину. Стерильную, умелую и безотказную. Рыжую, конечно. Контракт стоило бы оформить у порядочного агентства. У «Лазури». А лучше – у «Family and Health». Когда деньги есть, можно и у них... Чтобы иметь верную гарантию от антисанитарии любого рода. Или... или... нет, на все не хватит.

Может быть, лучше считать по пять тысяч в день? Как раз такую сумму, какую крепкий середняк мечтает когда-нибудь зарабатывать...

Со вторым гроссбухом куда как проще и хуже. Он внешне напоминает блеклое голографическое полотнище монитора, на котором застыла стандартная программа «Семейный бюджет». Скучный повседневный софт, призванный, кажется, не столько помогать с ведением счетов, сколько напоминать, какая ты мелкая сошка на пиру жизни. Здесь все так же – на первый взгляд: слева доходы, справа расходы... Но какие это доходы! Смех один. А какие расходы? Горе одно. Вот сомовские три тысячи. Минус шестьсот евродолларов на налоги. Минус восемьсот на жилую кубатуру: компания взывает кредит строго, и платить ему еще семь лет, если какое-нибудь большое человеческое счастье тысяч на семьдесят не облегчит эту ношу раньше. Сто – кредит за амфибию. Еще сто – за место на кладбище. Говорят, когда-нибудь всех станут воскрешать по останкам, и с пеплом будут лишние проблемы, ну а те, кого отправили жариться в Солнышке, и вовсе в расчет не идут... Тысяча – на продукты. Очень подорожали... Двести – информрезерв. Надо идти в ногу с временем. Сто – на то-се. Еще пятьдесят надо отправить в банк. Обеспеченная старость. Еще тридцать на «Ежемесячник транспортника». Повышать квалификацию. Еще десять на брачный ценз. Пока он не наберет на специальном счету двадцать тысяч, Комиссия по бракам не станет рассмат-

ривать его кандидатуру на выдачу лицензии. Не хватает социальной ответственности... Ему осталось двенадцать тысяч триста сорок евроdollаров. Для тридцати лет этот результат, конечно, слабоват, но видит Высший Разум, откуда вырезать больше? Еще десятка на Мэри. В текущем месяце его, Сомова, очередь платить за гостевой номер в доме свиданий, ну и, конечно, следует подарить ей какую-нибудь безделушку. Мэри любит безделушки как какая-нибудь двадцатилетняя девочка... Хорошо еще, обязательное посещение психологического аналитика предстоит лишь через месяц. Негодяй Грасс берет по сороковнику за визит, а ходить к специалисту пониже классом – значит ставить под сомнение свой общественный статус. Иными словами, ни в коем случае. Лучше уж обновить пиджак где-нибудь на окраине: возможно, не заметят, не узнают...

Это ли не слезы? А ведь он, Дмитрий Сомов, уже восемь лет на рынке труда! Когда-то после колледжа, все казалось куда проще и осуществимее.

Впрочем, так много людей, которым и не снились три тысячи евроdollаров за месяц труда. Надо думать об этом. Надо думать о хорошем, задавать себе конструктивный настрой. Грасс не раз отчитывал его за неумение контролировать эмоции. «Два первейших врага современного человека – депрессия и рефлексия. И оба, Дмитрий, дурно влияют на вашу психику, делают ее недостаточно устойчивой. Хуже только трибализм. Ваше счастье, Дмитрий, что хотя бы в

нем вы не замечены. Иначе я вынужден был бы побеспокоить вашего менеджера по кадрам...» Доброжелательный улыбающийся Грасс пугал его до холодного пота. Потому что один звонок уже когда-то был. Четыре года назад его понизили на два разряда за избыточный интеллектуализм... Ему едва удалось наверстать упущенное. Нет, надо учиться повелевать эмоциями. Думать о позитивном. Например? Кредит за гараж выплачен. Кредит за гараж выплачен. Кредит за гаража уже давным-давно выплачен.

Он поставил амфибию в гараж, включил сигнализацию, вышел в холл, к лифтам.

Кредит за гараж выплачен до цента. Очень хорошо. Есть за что зацепиться. Надо зацепиться. Нельзя срывать. Иначе что? Иначе они когда-нибудь докопаются, что трайбализм – есть! А они обязательно докопаются. Сколько веревочке ни виться... Спокойно. Четыре года все идет ровно. Он на хорошем счету. Почему они обязательно должны докопаться? Да все нормально. Просто надо уметь расслабляться. Настоящая качественная улыбка стоит дороже ученой степени и многолетнего стажа работы. А у него очень приличная улыбка. Единственное, кажется, чем он мил участковому психологу Грассу.

Сомов единолично владел жилой кубатурой номер 4884 на двенадцатом подземном этаже, в блоке «А». Двадцать два жилых метра при высоте два пятьдесят и после капитального ремонта десятилетней давности. Пригодно для оформления

официального брака первой степени и однократного деторождения. Он имел все основания гордиться: родители имели только семнадцать метров, притом на тридцатом подземном этаже. Сомов навсегда запомнил надрывный вой тревоги, – там часто прорывало трубы, а иногда во внешней стенке изрядную дыру проделывали грунтовые воды... В детстве бывало очень страшно, когда освещение отключалось, лифты не работали, и подняться на нулевой уровень не было никакой возможности. Здесь такого не случалось. То ли двенадцатый этаж избавлен от напастей подобного рода, то ли сказывался возраст постройки. Родители жили в Щербинке, это самый центр Московской агломерации, дома старые, даже страшно подумать, насколько старые дома! Некоторым лет по пятьдесят-шестьдесят, коммуникации держатся на честном слове. А он, Дмитрий Сомов получил кубатуру в Чехове. Тут вполне современный спальный район, хотя до московской окраины отсюда еще далеко. Пищеблок и санузел отгорожены от жилой камеры не полупрозрачными ширмочками, как у отца с матерью, а стеной – пусть и тонюсенькой, из дешевого древес заменителя. И все же! Он никогда не любил слишком сильных и слишком назойливых запахов. Теперь он имеет возможность отдохнуть от них. Звукоизоляция приличная. Встроенный фризер с тремя отдельными морозильными камерами. Встроенный стиральный агрегат. Встроенный душевой стоячок. Правда, маловат... Встроенный «Гипносон-Гимель»... третья модель, устаревшая, конечно, но от

бессонницы избавляет почти всегда.

...Разумеется, окон его жилой кубатуре не полагалось. Как и любой кубатуре на подземных этажах. Зато одну из стен закрывала роскошная видеокартинка с 32-мя переменными планами. Совершенно как настоящее окно. И столько же света. Вот луговой ландшафт. Чик! Вот археологический памятник на фоне крупного водоема. Чик! Вот лесной массив хвойного типа. Чик! Вот мегаполисный пейзаж с крыши небоскреба. С каким вкусом подобраны архитектурные доминанты! Правда, чуть старовата картина. Да и... руку на сердце положе, она куплена Сомовым на сэйлз¹, в Бронницком дистрикте... Никто, разумеется, не знает об этом.

Зато у него есть две по-настоящему дорогих вещи. Обе куплены с премиальных. Обе – предмет его гордости. Во-первых, дверь. Почти банковская. Солидной фирмы «Инь и Ян». Четыре независимых слоя защиты. Практически ничем не прошибаемая кодировка замков. Активная броня: от лазерных резаков и управляемых ракетных снарядов, которыми пуляют по средним танкам и легкой бронетехнике. Говорят, пуляют небезуспешно... То оборванное на полуслове сообщение из Якутского резервата... впрочем, об этом тоже не следует думать. О таких вещах даже думать опасно... Так вот, его дверь выдержит удар любым УРСом. И даже неоднократный удар. Правда, год назад он с ужасом обнаружил в криминальной хронике 102-го канала сообщение о взло-

¹ Сэйлз – толкучка, барахолка, распродажа вещей, бывших в употреблении.

ме дверей *именно такой марки*. Омерзительно уверенный в себе эксперт вещал: «Хорошему профессионалу достаточно двадцати минут... Впрочем, я, возможно, слишком оптимистичен».

Во-вторых, он владел отличным инфосконом. Любые базы данных. Любые, даже самые «тяжелые» статистические пакеты. Любая графика с выводом на печать. Сто сорок информканалов. А их всего-то сто пятьдесят два – официально зарегистрированных средств массовой информации! Свободный неограниченный поиск в частных сетях. Говорят, когда-то была единая независимая сеть, но это вряд ли: какое государство допустит существование столь бесконтрольного фонтана информации?! Системы ввода с восьми видов носителей, в том числе и очень архаичных – вроде лазерных дисков. Сканирование любого печатного текста и даже рукописного на трех языках: русском, английском и англо-женевском эсперанто.

И 4000 евродолларов... Он прекрасно осознавал, что будет гордиться своей игрушкой еще максимум год. А потом она превратится в перестарка. И ему захочется заменить ее, найти нечто посовременнее... Мучительная ситуация. Поскольку таких денег в обозримом будущем не предвидится. Премияльные два года назад он получил за... нет, и про это думать не надо бы. Скажем так, за три часа в Зарайске. Когда они будут, новые три часа, и будут ли, и выдержат ли его нервы *новую порцию*, – предсказать невозможно.

Сомов занялся приготовлением ужина. Конечно, сегодня четверг, и Виктор может появиться. Но это вряд ли. Он был здесь всего один раз, и с тех пор прошло четыре месяца. Да, они договорились твердо: каждый вторник и каждый четверг Дмитрий ждал его с шести до восьми вечера. Сначала с нетерпением, потом с негодованием, затем с унынием... а в конце концов он и думать забыл. Осталось от того невероятного визита экзотическое послевкусие. Как будто клюква в йогурте. И кислит она, эта клюква, – вырви глаз. Но и только. Еще, пожалуй, в памяти зацепилось несколько фраз. Парадоксальные, ни с чем не согласующиеся вещи, походя брошенные его странным собеседником-двойником... Космос, например. Ничем не оправданное расточительство. Но ведь есть что-то у них там. Или та же Российская империя... да как это может быть! Прогрессивных ход исторического развития давным-давно поставил крест на всех подобных динозаврах. Любой школьник...

Его насторожил запах. Да неужто! Тогда, четыре месяца назад он чуть с ума не сошел от ужаса: неведомо откуда в его кубатуре появился едкий смрад. Пожар? Но воняло не горелым пластикетом и не плавящейся изоляцией, а скорее, человеческим потом, только в чудовищной концентрации. Точно как в тот раз у него закружилась голова... Нет. Нет! Да у него почти все выветрилось из головы. Он уже совсем было решил: померещилось, галлюцинация, стукнулся обо что-нибудь... Отдыхать больше надо. Первые две недели он

места себе не находил: как жить с такой-то занозой? Потом начал успокаиваться, *без этого*— легче. Он обычный человек, зачем ему забивать голову лишней информацией? И ведь страшно. А ну, кто-нибудь узнает! В самые мысли влезет. Нет, не нужно. К чему? Не нужно. От осознал: не нужно! И... опять? Нет. Нет! Нет, конечно же...

Заложило уши. Все, как и в первый раз, происходило бесшумно. Просто организм, надо полагать, по-своему реагирует на всю эту жуть. Тогда кровь носом текла... Сейчас не течет.

Посреди комнаты появились — прямо в воздухе — отблески отдаленного света. Чем-то похоже на блики, танцующие по дну бассейна. Только дна никакого нет... Он зажмурился. Ничего не остается: следует принять происходящее. А если его принять, то надо зажмуриться, поскольку сейчас будет ослепительная вспышка. Да? Аттаркцион, вроде, повторяется по полной программе, а значит, и она должна повториться...

На несколько секунд его веки — изнутри — стали белей бумаги. Потом по неровному розовато-коричневатому фону поплыли алые кораблики. Он не спешил открывать глаза. Ему совсем не хотелось открывать глаза. Смрад исчез. Вместо него поплыл наркотический аромат машинной смазки. Кажется, он все-таки слышал проклятый шум проклятого падающего тела... Но не спешил убедиться в этом.

Хрипловатый басок:

– Твою мать. Опять я неудачно приземлился.

Глава 2

Рейдер «Бентесинко ди Майо»

10 апреля 2125 года.

Орбита Титана.

Виктор Сомов, 29 лет.

По боевому расписанию Виктор Сомов отвечал за команду роботов-ремонтников третьего сектора. Это от шлюпочного ангара в носовой надстройке до центрального поста, минус машинное отделение, грузовые трюмы и артиллерийские погреба. Своими «болванами» (модель Бол-38К) он мог управлять либо с переносного пульта, либо со стационарного, и железно предпочитал второе. Во-первых, переносной оказался редким дерьмом. Поставка Поднебесного Внеземелья, китайских союзничков, значит. Скорее всего, комбинат военной электроники на Ио. Потому что более говенной электроники, чем на Ио, не производили нигде в Солнечной системе. Болваны понимали через две команды на третью. Причем первую из трех команд они могли выполнить в совершенно произвольном ключе. Например: заменить санитарный блок в рубке дальней связи. В такой-то срок. По такой-то схеме. Далее информация: блок для замены взять на складе в ячейке за номером... На пульт поступает запрос: «Для решения задачи информации недостаточно. На что заменить санитарный блок?» М-мать! Впрочем, это

еще не худший вариант. Иногда по внешней видимости все бывает совершенно правильно: «Ремонтный автомат бортовой номер 8 задание принял. К исполнению приступил». И чуть погодя: «...задание выполнил». А потом является старший связист, капитан-лейтенант Рыбаченок и с добрыми такими глазами спрашивает: «Сомов.....! Ты когда..... дыру-то у нас заклепывать будешь? Воняет..... твою так!» Что? Дыру? Ну да, ее самую. «Приходил твой „болван“, санблок вывернул, накопитель без лючка оставил. Не дай Бог тормозить перестанем, невесомость нагрянет, котяхи сачком ловить будешь?» О-о! Опять! Ну, посмотрим, что они там наворочали... Точно, заменил, зараза. Аж смотреть жутко. Достал из грузовой ячейки новый санблок и отправил его в мусорный контейнер. А старый приклепал *прямо к самой ячейке*. Накрепко. На совесть. На тупую железную совесть. И лючок накопителя нашел куда пристроить: вместо замка на дверце соседней ячейки пристроил... А формально все честь по чести. Заменил? Заменил. По такой-то схеме? По такой-то. В заданный срок уложился? Без проблем. Откуда новый блок изъял? Откуда просили. Похвали меня, хозяин! М-м-ма-ать! Инженер да Сильва, который сдавал ему дела тут, на рейдере, полгода назад, предупреждал: «Выбрось, амиго. Лучше выбрось, клянусь руками девы Марии! Все дело в программе перевода: твой русский ограниченно применим для подачи команд... Амиго, еще разок, запомни: *ог-ра-ни-чен-но*. Сам увидишь. Мой испанский, между

прочим, неограниченно непригоден. Проверено. Ты китайский знаешь? Вот я и говорю – выбрось». Упрямство русское! Дважды переналаживал. Результат: «Для решения задачи информации недостаточно. Что правомерно считать санитарным блоком?» М-м-м-а... Убью.

Во-вторых, когда все три вахты подняты по тревоге, и люди привычно разбегаются по номерам боевого расписания, за бортом, по идее, должно твориться что-нибудь до крайности острое. Логично? А стационарный пульт установлен как раз в артиллерийской рубке. Так что весь резон – торчать там и видеть картину происходящего на комендорских экранах. Что, нет? А вы когда-нибудь пробовали переждать бой, зная не зная, какая чертовщина происходит с вашим кораблем? И притом осознавая с предельной ясностью: кто-нибудь *там* чуток ошибется, и вам каюк. Муэрте. Тодт. Дэс (на языке условно противника). Для наглядности комментируем: кранты.

На третьей минуте после подачи сигнала Виктор влетел в артрубку. Ввел рабочий режим для всех одиннадцати «болванов» своего хозяйства. Номер 4 – обратная связь: «К работе готов!» Номер 5 – обратная связь: «К работе готов!» Номер 6 – обратная связь: «Что правомерно считать рабочим режимом?» Отключен! И ведь наша сборка, русский сектор Терры-2, сам проверял маркировку изделия... Лучше бы у китайцев были такие раздолбаи. Номер 7 – обратная связь: «К работе готов!»

Сомов развел ремонтников по отсекам. Активировал инструментальный блок. Проверил датчики повреждений. И только потом позволил себе взглянуть на комендорские экраны.

Транспорт новых арабов. Тип «Дельта». Когда-то эта серия считалась исключительно популярной. Производители – женеvцы, земная сборка, и лет десять назад только лениvый не покупал у них эти грузовики. Теперь есть серии и лучше. Повместительнее, во всяком случае. Наш «Слон» или, скажем, «Йотун-универсал» производства Терры-4. Или та же «Дельта-3» женеvцев... впрочем, сейчас это не важно. Куда важнее другое. Транспорт идет один, без прикрытия.

– Любопытно, они когда-нибудь додумаются до незамысловатого понятия «конвой»? – подал голос рослый комендор, по виду из славян, новенький, Сомов его не знал.

– Лучше бы не додумались... – это старший комендор капитан-лейтенант Хосе Лопес, давний товарищ Сомова. Виктор ответил ему:

– Не догадаются сами, так подскажут женеvцы.

Драка шла вот уже год с хвостиком. Он наизусть знал расклад, как, наверное, и каждый офицер на рейдере. Новые арабы включились в колонизацию последними, когда лучшие куски уже достались другим. Шииты, бедные и слабые, мирно присвоили десяток маленьких камушков в поясе астероидов. И вели себя тихо. Очередной аятолла горазд был метать громы и молнии на головы неверных, но только словес-

но. Воевать опасался. Сунниты оказались богаче и настырнее. Когда их Аравийская лига заняла Харон, никто на них не обратил внимания: какой толк в Хароне? Далеко, холодно, больше расходов, чем доходов. Когда новые арабы потеснили евреев на Трансплутоне, тоже до заварушки дело не дошло: Трансплутон – это очень маленькая политика. Фактически, никакая политика. Четыре года назад Лига с боем отбила у Латинского союза сатурнианские спутники Тефию, Телесто и Калипсо, большой астероид Гигию и едва-едва не заполучила Диону. Никто не ожидал такой дерзости. И такой мощи. Латинский союз побывал тогда на грани военной катастрофы, потерял добрую половину флота. Правительство пацифиста Гонсалеса отправилось на заслуженный отдых... Новые арабы сделали передышку. Теперь их заинтересовала Веста – жемчужина в короне государя императора и самодержца всероссийского Даниила III. Ну и, для ровного счета, Аравийская лига не отказалась бы от Реи. Собственно, Рея принадлежала независимой консульской республике Русская Европа. Но вся вселенная и ее ближайшие окрестности знают: и года бы не продержалось на Европе правительство, если бы его не поддерживала Российская империя, да и все русское вземелье скопом. Разумеется, и новые арабы не полезли бы на Латинский союз, не выиграли бы войну и уж давно не связались бы с Империей, когда б за спиной у них не стояла Женева. Самая большая сила, черт ее побери, во всем обитаемом мире. Во всяком случае, пока. Ни одна

живая душа не сомневалась: речь идет не о Весте, и даже не о Рее, а о куда более серьезных вещах. За стычками в Солнечной системе маячил страшный призрак неразрешимой терранской проблемы...

Легчайший толчок. Еще. Еще. Целая серия. Сомов почувствовал тошноту. Лица у артиллеристов – как сельскохозяйственная выставка: вот плоды, которые только-только позеленели, вот – те, что налились белизной, а вон там и там – созрели полностью, видно по натужной красноте. Новенький, тот самый, длинный, потянулся за мешком...

Рейдер сошел орбиты Титана и занялся транспортом. Сомов представил себе, как ребята из Центрального поста шарят по всей сфере наблюдения, доступной корабельному комплексу. Титан послужил им отличным прикрытием: там ни у кого нет никаких поселений вот уже двенадцать лет, с тех пор, как женеvцы подвергли китайский гарнизон ядерной бомбардировке и заразили тамошние города панфиром. Вывезти удалось едва-едва пятую часть поселенцев и военных, из них каждого третьего по дороге вышвырнули в открытый космос как источник заразы; Поднебесная вообще до крайности прагматична: малым должно жертвовать ради большого... А на Титан еще долго никто не сунется. Но у парней на центральном посту и без Титана хватает забот. Здесь, у Сатурна новые арабы держат целый флот, и наткнуться на их корабли можно повсюду – от деления Энке²

² Деление Энке – «прозрачный» участок недалеко от внешней границы колец

до орбиты Фебы. Плюс базы женецев на Гиперионе и Япете – как знать, не ввяжется ли в дело женецкий крейсер, оказавшийся достаточно близко?

Хосе Лопес:

– Э! Да он поворачивает! – и, чуть погодя, – поздно, голубчик. Не стоило даже пробовать.

Кто сказал, что у всех латино взрывной характер? Да Сильва – да, точно, тот еще был живчик. А Лопес ледяной, спокойный, как трупешник, надежный, как ходовая часть рейдера, если, конечно, не считать случаев, когда он впадает в любовное томление... За то время, пока Сомов служит на «Бентесинко ди Майо» в ходовой части не было *ни единой* поломки. Рейдер строили на лунных верфях Российской империи, так что все характерные признаки тамошней работы налицо: ходовая часть, связь, оружейный комплекс и приборы наблюдения – выше всяческих похвал. Правда, вся периферия работает хуже некуда. Регенератор воды ломается не реже раза в неделю. Электронные замки на дверях впору заменять крючком и скобкой. А гамаки просто – топтать. Топтать долго, энергично и сладострастно. И не Бог, кто-нибудь заглянет в комнату отдыха... Но все, что считается главным, сделано на совесть. Как надо. И не грузовику состязаться в скорости с *таким* кораблем.

...Новоарабский транспорт описывал широкую дугу. Тамошний капитан, мечтатель, каких поискать, возжелал уй-

ти на скорости: благо, до порта приписки где-нибудь на Тегее совсем недалеко. Только грузовики «Дельта» создавались вовсе не для того, чтобы играть роль стремительно убегающих жертв. Это корабли мирного времени: огромные, валкие, неторопливые... А вот рейдер, напротив, с рождения предназначен был для охоты. Сейчас «Бентесинко ди Майо» при любых обстоятельствах мог догнать транспорт и отрезать его от базы.

Начиналась рутинная процедура. Виктор был в четырех рейдах, и каждый раз – все то же самое. Правда, во второй раз крейсера Лиги головы не давали поднять, гоняли и чуть не прихлопнули рейдер. Но вот не прихлопнули же! Спас Господь и святой Авось его. Зато в трех остальных вояжах «Бентесинко ди Майо» взял пять «призов». Так что кое-какой опыт, господа, имеется. Быть шестому «призу» неизбежно, прости, Боже, за такую самоуверенность.

Два корабля быстро сближались. Лопес получил от капитана приказ: дать предупредительный залп. Видно, словесные увещевания ничуть не заставили экипаж «приза» отказаться от неразумных дрыганий. Впрочем, на памяти Сомова, ни разу новых арабов не удавалось уговорить. Не зря на флоте их называют «буйными»... Лопес ввел координаты.

Новенький забормотал:

– Боезапас тратить обидно.

– Что за война без пальбы, салага!

Это ему ответила Маша Пряхина. Лучший комендор ко-

рабля, лучше даже Лопес, каковой факт Хосе безо всякого ропота неоднократно признавал. И, кстати, если бы не был женат корабельный инженер Виктор Сомов, любил бы Пряхину. Маша невестилась с размахом, имела бюст, пригодный для боевого тарана, и характер необыкновенно переменчивый: за четверть часа комендорша умела несколько раз перетечь из состояния смирной коровы Пеструшки в состояние безбашенного быка Дуролома. Но корабельный инженер Виктор Сомов женат. И он, несомненно, удержится. Не протаранит его бюст.

По носу транспорта, *очень близко*, зацвел пламенеющий мак. Маша:

– Хосе, ты неподражаем!

Новенький:

– Bravo, маэстро!

Лопес:

– А ну-ка рты позакрывали. Не артвзвод, а труппа юмористов-передвижников!

Транспорт сбросил скорость. Так тоже бывало всегда. «Буйные» подчиняются силе, если ее предъявить открыто. И никогда комендорам «Бентесинко ди Майо» не приходилось разносить цель в металлическую крошку после предупредительного залпа. Все-таки не русские и не латино. Поэтому и буйство у них порционное. То ли дело наш родной сумасшедший дом...

Пауза.

– Что, шлюп сейчас спустят? Да? Шлюп?

Никто новенькому не ответил. Сам увидит.

От борта новоарабского транспорта отвалило целых два шлюпа. Видно, большая команда. Плодятся, черти, быстро. А тут пока трех настругаешь запаришься... На середине пути от «Дельты» к рейдеру их перехватил абордажный шлюп с «Бентесинко ди Майо». Проводят досмотр ребята. Как положено, по всей форме. Рейдер «Императрица Екатерина II» пренебрегал такими вещами, и где он теперь? Спаслись только трое. Те, кто был в момент взрыва рядом со шлюпочным ангаром. У очередного капитана «буйных» порция оказалась больше ожидаемой: он из своего шлюпа сделал брандер... Так. Досмотрели. И второй. Разошлись. Команда «приза» проложила свой путь к рейдеру. Абордажная команда «Бентесинко ди Майо» отправилась к «Дельте».

Пауза.

Запрос с центрального поста: «Хосе, ты как, потренироваться хочешь, или будем взрывать? Взрывать, конечно, дешевле, но у тебя там аматер...»

– Хорхе, тебе нужно?

– Нет, господин старший комендор! Да мы в учебке!.. По неподвижной мишени с расстояния...

– Отставить, сержант. Понял. – и Лопес ответил на центральный пост:

– Рвите.

Пауза. Кто бы сказал Сомову, когда ему сразу после уско-

ренных офицерских курсов предложили должность на рейдере в Солнечной системе и он, согласившись, пребывал в мечтательном настроении по поводу стремительных и неотразимых ударов, боевых действий на грани нервного срыва и т. п., что самые эффективные операции рейдеров состоят на 99% из перерывов в работе.

Абордажный шлюп вернулся на борт «Бентесинко ди Майо». И только тогда экраны расцветились беззвучным фейерверком. Сначала из корпуса «Дельты» выстрелили разом три или четыре огненных нитки. И, казалось, эти все закончатся. Но потом кормовая часть грузовика вспухла чудовищным нарывом и выплюнула оранжевый протуберанец весь в стружках раскаленного газа. Хорошая половина корабля превратилась в маленькую сверхновую. В вакууме нечему поддерживать горения. Пламя утихло очень быстро. То, что осталось от транспорта, явно не подлежало восстановлению. Просто груда лома, которая побудет некоторое время искусственным спутником Сатурна, а потом бесследно сгинет в его водородной атмосфере.

Пауза.

Отбой тревоги. Через девять минут «отдыхающая» вахта должна заступить на дежурство. Сомову хватило ровно на столько, чтобы отозвать Хосе Лопес подальше от подчиненных и высказать личное мнение о генофонде его бабушки. А потом поменяться обувью. Пальцы... еще шевелятся. Слава Господь! Ныне и присно, и вовеки веков. Аминь.

По коридору шли под конвоем пленники. Их продержали в шлюзной камере до возвращения абордажной команды, и теперь штурмовики «проводжали» команду «приза».

Пленным арабам сказочно повезло. Они попали не куда-нибудь, а на корабль, построенный специально для глубоких рейдов. Обычный рейдер это скоростной грузовик, срочно переоборудованный для нужд военного времени. У него может быть очень приличный оружейный комплекс, большой запас хода и тому подобное, но даже его собственный экипаж размещается на борту корабля с великим трудом. Не для того посудину строили когда-то... Что говорить о пленниках, снятых с «приза»? В лучшем случае их ожидаем грузовой трюм, в худшем, прости Господи, какая-нибудь цистерна. Что-то не помнит Виктор Сомов рейдеры, переделанные из пассажирских лайнеров. Они, лайнеры, естественным образом тяготеют к классу штабных кораблей... Другое дело – «Бентесинко ди Майо». Серию из 16 однотипных кораблей, с самого рождения нацеленных на рейдерскую специальность, российские императорские корабельщики построили по специальному заказу Латинского союза. Именно *построили*, а не перестроили. Каждый корабль – со скоростью, как у легкого крейсера, с артиллерийскими комплексами – как у фрегата или сторожевого корабля, и с запасом хода в режиме автономного рейда – как ни у кого... Всю серию продали прямо с верфи. Для друзей – недорого, можно сказать, по символической цене... Латино продержали флотилию на

своей дионской базе ровно три месяца. Там каждое судно окрестили, «обкатали» и сейчас же продали на Европу. Для друзей – недорого, по той же символической цене. Копейка в копейку. Сентаво в сентаво. Очень вовремя, как раз перед самой войной. Бывают же такие совпадения! «Бентесинко ди Майо» означает «25 мая», день независимости исчезнувшей, но чтимой страны Аргентина... Базу рейдерской флотилии предоставила Русская Венера. Они там все анархисты, что с них взять? Вовсю попирают международное право. Ну а экипажи тайно прибыли с Терры-2. То есть, разумеется, флот Русской Европы дал своих специалистов... Сделал все, что мог. Из 63 человек экипажа «Бентесинко ди Майо» целых пять кадровых боевых офицеров – с Европы... Включая командора Вяликова. Генеральный военно-космический конструктор Российской империи Сергей Борисович Гончаров, говорят, плакал, когда узнал: не для своего флота спроектировал такое чудо! Но потом утешился и даже сказал журналистам: «У нас такого добра хватает. Если надо, еще построим. Даже лучше. А для друзей – не жалко».

...Так вот, арабам сказочно повезло. Цистерна им не грозила, поскольку на «Бентесинко ди Майо» был кубрик специально для пленников. Ничуть не хуже тех, что для команды, и как раз на 48 человек: ровно столько, сколько их попало на этот раз... Разве не везение?

Штурмовики в устрашающих бронекостюмах, делавших каждого их них раза в полтора больше истинного разме-

ра, держали новых арабов под прицелом. Излучатель «Екатеринбург-10» в штурмовой модификации – очень удобная штука. В случае необходимости им нетрудно резать переборки и чуть ли не борта у небронированных судов. А можно передвинуть регулятор и слегка поджарить буяна, не рискуя продырявить собственную посудину изнутри...

– Капитан-лейтенант Сомов!

Он повернул голову. Ну, точно. Ухмыляющаяся рожа капитана Луиса Ампудии, командира абордажной команды. Бритый череп, уши, как у профессионального борца – прижатые и покалеченные, два металлических зуба сверху и два снизу (говорит, что титановые, но, видно, брешет, как обычно), плоское скуластое лицо, добрые васильковые очи, и такая в них чистота и невинность, прямо как у дитяти... Говорят, женщин Ампудия подцепляет всегда одним и тем же приемом: приходит в кабак, завязывает разговор с кем-нибудь подходящим и начинает жаловаться, что у него никогда ни с кем не было секса. Робок, понимаете ли. Для взрослого мужчины это так мучительно. И глаза! Печальные, доверительные... Иногда все то же самое капитан проделывает на спор. Правда, время от времени партнерша сама подцепляет его, и тогда аттракцион теряет всякий смысл. Потому что могуч и весел капитан Ампудия, а жалование тратит исключительно на баб.

– Поздравляю, Сомов! Молодец!

– С чем поздравляешь, Лу?

– Как, ты еще не слышал? Тебе не передали? Странно.

– Ну, давай, не тяни кота за хвост.

– Э-э! Как ты вообще разговариваешь со старшими по званию!

– Адмирал выискался.

– Ладно. Тебе сегодня можно. В общем, шагай к командору Вяликову. Приказ пришел: всем отличившимся офицерам вручить комингс второй степени с мечами и бантом.

– Уже.

– Что – уже? – растерялся Ампудия.

– Уже вручили. Я его в кубрике повесил. На стене, рядом с гамаком. Хочешь, приходи, посмотришь. Тебе ведь еще не дали.

Ампудия зашелся хохотом. Арабский арьергард дрогнул, пленники завертели головой, отыскивая турбину без глушителей...

– Молодец, Витя! Так держать.

И хлопнул, стервец, бронированной рукавицей по левому плечу. Аж сердце тихонечко пискнуло. Его бы кто гирей по башке хлопнул...

Сомов перестал бегать на ПХД за сменными аккумуляторами еще в училище. Там же понял, что не следует отыскивать программы, имитирующие аварийную подзарядку мэйдэя. Хотя доброжелатели неоднократно советовали поискать. Разок попытался, получив наряд вне очереди за само-

волку, драить подволок дасторедуктором³. Старший наряда поржал и честно объяснил: «Опять тебя, долбень, надули». Он сто лет назад узнал: ПХД – это парково-хозяйственный день, мэйдэй – сигнал спасения, подволок – потолок, дасторедуктор – прибор, помогающий связистам избавиться от направленных помех, а комингс – высокий металлический порог в люках (так они тут двери называют, твою-то мать!), ведущих из отсека в отсек... И еще он держал в памяти мириады беззлобных шуток, впитанных кадровыми офицерами с молоком первых дней службы. Его, вчерашнего гражданского человека, проверяли на вшивость с удвоенной энергией. Он один раз поставил шутнику бланш, один раз получил сам, и один раз превратил особенно остроумному деятелю губы в кашу. Этот посоветовал для «лучшего разогрева» добавить в водку смазочную жидкость ИКЛ-55. Эту шуточку Виктор знал по печальному опыту Мачея Шапиро, заработавшего расстройство желудка на неделю и метеоризм, кажется, на всю жизнь... Прошло полгода с тех, как он поклялся себе: сам – никогда, ни за что! И за день до выхода в нынешний рейд, еще на базе, с изумлением застукал самого себя за мрачным делом: оказывается, он посылал новобранца на камбуз за высокочастотным тестером. Тот, бедняга, пошел...

– Капитан Ампудия!

Капитан рейдера командор Вяликов стоял, оказывается,

³ Dust – пыль, reductor – нечто сокращающее, убирающее лишнее (англ.).

за переборкой. Глаза у главного штурмовика за несколько мгновений выцвели от элитарных васильков до дешевого ширпотребного кобальта.

– Да, господин командор...

Далее весь разговор происходил на чудовищном испанском. Вяликов, невероятно корректный со своими подчиненными, *специально выучил* испанский, дабы показать уважение к латино, прибывшим с Терры-2, несмотря на то, что официальным языком всей рейдерской флотилии был русский. Совершенно открытая статистика, доступная всем и каждому, а Сомову известная чуть ли не со школьной скамьи: население Терры-2 состоит примерно на 60 процентов из русских, на 25 процентов из испаноязычных латино, на восемь процентов тоже из латино, только португалоязычных. Остаток делился следующим образом: 2 процента поляков, 2 процента украинцев, полтора процента белорусов, 1 процент евреев и полпроцента женевцев, то есть людей, у которых туговато с этнической принадлежностью, зато имеется ярко выраженное гражданство. А теперь другая статистика: население Русской Европы со всеми ее владениями во внесемье на 99,99 процентов – восточные славяне. Из них просто 99,9 процентов – русские. На всем евро-русском флоте язык соответствующий. Но таков уж командор Вяликов...

– Не хочет ли капитан Амбудия повернуться и посмотреть на капитана-лейтенанта Сомова?

Штурмовик понуро повернулся и посмотрел.

– Кто перед ним?

– Капитан-лейтенант Сомов.

– Точно?

– Да, господин командор.

– Значит, вы уверены в том, что перед вами старший инженер рейдера и ваш боевой товарищ, а не хрен собачий?

– У...уверен, господин командор.

– Так какого черта вы травите свои дерьмовые финти-флюшки? – по-испански это прозвучало просто непередаваемо. Сомов, учивший в школе шесть *обязательных* языков – родной, польский, испанский, португальский, английский и женеvское эсперанто, – и знавший эспаньол лишь самую малость хуже русского, едва не прыснул.

– Виноват, господин командор.

– Не хотите ли извиниться?

– Так точно... – уставная фраза, на испанский не переводится...

Ампудия взглянул на старшего инженера рейдера и боевого товарища, как на давнюю знакомую, которая только что сообщила ему, мол, дружок, не пора ли тебе осесть, жениться и завести детей... ребенка... кстати, у нас, любимый, недавно появился *очень большой шанс*.

– Э-э, Витя... я...

– Внятнее, капитан.

– Э-э, Витя... я не хотел...

– Да ничего, Лу, ладно.

– Отлично, капитан! Но на базе все равно получите два внеочередных дежурства по кораблю. Можете быть свободны.

Глядя на удаляющуюся спину старшего штурмовика, Сомов со щемящей ясностью понял: тот пятизвездочный коньяк с самой Земли, который заначен у него для особо важного случая, по возвращении на базу будет распит с этим бритым амбалом безо всякого важного случая.

Командор Вяликов, на редкость тучный человек, притом абсолютно невоенный по всем своим повадкам, числился на флотилии чуть ли не лучшим. За всю войну «Бентесинко ди Майо» не получил ни единого попадания, между тем, три корабля из шестнадцати уже отслужили свое... И откуда ни одна штабная голова не отыскала в организации службы какой-нибудь прорехи. Ему, первому из капитанов, присвоили командорский чин. Флотские это обычно трактуют, как намек на скорое повышение... Притом экипаж радовался за Вяликова, поскольку у него, видимо было ампутирована та часть мозга, где размещается широко распространенное знание: как служить *за счет* экипажа.

Так вот, командор хлопнул Сомова по правому плечу, и опять сердце ойкнуло, ведь как ему не ойкнуть, когда полтора центнера хлопают по плечу...

– Что, инженер, все никак не оставят в покое?

– Ничего, господин командор. Справляюсь.

– Вот и молодец. Я открою вам, Виктор Максимович, ма-

ленький секрет. Я ведь сам не из кадровых...

Оба!

– На вашем лице я вижу недоверие. Поймите, у республики очень маленький флот. Стыдно сказать, до чего маленький. И – третья война... Никто до сих пор не воевал в космосе больше нас, разве что Женева. Но это принципиально разные ситуации... Они преследуют определенные интересы, а нам просто необходимо выжить. Когда-то я счел себя обязанным оставить старую работу и пойти на флот. Так что мы с вами, кажется, одного поля ягоды.

– Разрешите вопрос, господин командор.

– Разрешаю.

– А кем вы были раньше?

– Не поверите. Преподавателем философии в Государственном университете Европы... И, к слову, на всякий случай... Если сами, Виктор Максимович, уподобитесь нашему бравому коллеге, не помилую.

Командор, приятно улыбаясь, удалился.

Глубокий рейд – это ведь не рейд на глубине. Какая в космосе глубина? Рейдер – не подводная лодка. И коммуникации противника невозможно перерезать «в глубоком тылу». Где в той же Солнечной системе фронт, а где тыл? Один Бог ведает. Глубокий рейд отличается от обычного только длительностью. Хрестоматийное определение: если ты пережил на корабле 100 стандартных суток, притом что корабль ни разу не добирал боезапас, не производил дозаправку, да и

вообще не заходил на базу, т. е. пребывал все это время в автономном полете, то с первой секунды 101 суток ты находишься в глубоком рейде... Так вот, прошло уже 60 дней, как «Бентесинко ди Майо» покинул базу. И для капитана настало время лечить нервы всем избыточно беспокойным людям. Потому что остальным некуда уйти с консервной банки...

Сомов добрался до главного инженерно-ремонтного поста. Там его ждал мичман Яковлев, бодрый, как огурчик... Потому что он, зараза, на пять лет моложе. Яковлеву предстояло сдать вахту и отправиться в столовую – ради инсталляции обеда. Счастливый человек. Виктор испытал необыкновенно сильное желание загрузить его работой. На правах боевого командира. Рейдер нуждается в напряженных усилиях инженеров, постоянной профилактике и...

– Неисправностей нет, господин капитан-лейтенант. Мичман Яковлев вахту сдал!

– Вахту принял. Иди давай. Живенько. А то работа тебя найдет...

По штату старшему корабельному инженеру на рейдере полагалось пять подчиненных. И точно, Сомову досталось два инженера в звании мичманов и три техника в звании старшин второй статьи. Но из этой пятерки капитан-лейтенант мог сложить едва-едва три полуполноценных единицы. Яковлев полгода как из училища. Но он-то как раз вполне себе единица. Еще не забыл, чему его учили. Зато второй, Ма-

карычев, пятидесятилетний с прицепом дядька, выслужился в мичманы из вечных старшин сверхсрочной службы на батарее планетарной обороны; его рейдеру «Бентесинко ди Майо» так же, как и Вяликова, подарил боевой флот Русской Европы. В основном, видимо, потому, что дарить ему было больше нечего... То, чего Яковлев еще не успел забыть, Макарычев никогда не знал. Его этому просто не учили: мичманское звание было для него поощрением за долгую добрую службу перед самой отставкой. Каковая отставка не состоялась, поскольку за день до появления соответствующей подписи на соответствующем приказе, началась война. Конечно, Сомов кое-что показал, рассказал... Но лучше всего старший корабельный инженер чувствовал себя в те часы, когда этот его подчиненный спал. Из техников радовал командирское сердце один только мрачный старослужащий Гойзенбант. Он когда-то недобрал на вступительном экзамене баллов и неделей позже с изумлением обнаружил себя на флоте... И точно так же, как и Макарычеву, война шаловливо показала ему длинный нос: мол, срок службы у тебя кончился, дружок? завтра – домой? Зачем же так торопиться! С Макарычевым у него выходила и другая еще симметрия, – капитан-лейтенант спал сном праведника, только если знал, что Гойзенбант стоит на вахте. Еще двое техников были добровольцами. Сомов, разумеется, одобрял их порыв, но к делу они оказались неспособны никоим образом. Разве что сбегать, подтащить, подать... Три месяца высокоско-

ростной службы в старшинской учебке привели обоих в состояние необыкновенной бравости и полной потери здравого смысла. Гойзенбант возиться с ними не желал по естественной угрюмости характера и нелюбви ко всему бравому. А сам капитан-лейтенант мог дать этой двойце совсем немного. Конечно, флотскому офицеру полагается знать свои обязанности *универсально*, то есть равномерно по очень широкому фронту. Но самом деле так получается только у *очень хороших* командиров. Сомов же столь высоко не залетал, был он корабельным инженером *как все*, и сам себе в этом неоднократно признавался. А все те, которые *как все*, знают где-то что-то получше, в остальных же секторах широкого фронта на полноту знаний не претендуют... Сомов не составлял исключения. Он был блистательным судостроителем (по прежней своей, гражданской специальности), отличным ремонтником, хорошим знатоком корабельного оружия, топлива, батарей и аккумуляторов, сносным работником по части флотской электроники, но очень и очень так себе понимал ходовую часть, а именно она-то и составляла сферу деятельности техников. Иногда капитан-лейтенант чувствовал себя дерьмовым ветеринаром: зверюшка уже вскрыта, господда, теперь признайтесь честно, кто-нибудь из вас знает, куда ведет эта проклятая кишка? Нет? Вот и я никак не вспомню... Где-то у меня тут был курсантский конспект. Одну минутку! Черт, кажется, когда мы проходили ходовую часть, моя Катенька рожала... Сомов обязан был организовать для

новобранцев занятия, он, собственно, и организовал их. До занятий капитан-лейтенант часа по два вчитывался в полу-знакомые и совсем не знакомые строчки, потом около часа пытался разобраться на месте, куда же все-таки втекает мерзопакостная кишка, а затем приходили brave, и он пятьдесят пять минут уверенным командирским голосом объяснял им все, что понял сам. За пять минут до конца смены отпускал обоих. Тогда Гойзенбант молча и с крайне невежливой рожей показывал Сомову, где тот лажанулся. В следующий раз капитан-лейтенант как бы невзначай возвращался к пройденному и насколько мог исправлял прежние педагогические ошибки... Большое белое пятно на месте ходовой системы рейдера малыми порциями рассасывалось, но ужасно, ужасно медленно.

Кто мне объяснит, господа, кишка это все-таки, печень или желудок? Да? Я так и знал. А вон та штучка, которую я только что успешно вырезал? Ведь она могла быть только почечным камнем, не так ли? Ах, коренной зуб... Э-э... простите. Врачебная ошибка. Иногда, знаете ли, случается.

В общем, Макарычев явно тянул на четвертушку инженера, а добровольцы – на половинку техника. Итого два целых и семьдесят пять сотых полноценного штатного подчиненного. Или, для ровного счета, три полуполноценных. Округлишь – и становится легче.

В концов концов, а сам-то он кто? Такой же волонтер. И когда-то едва-едва отважился произнести это вслух...

Глава 3

Мужчина и женщина

2124 год, дата не имеет значения.

Терра-2, город Ольгиополь.

Виктор Сомов, 28 лет, и Екатерина Сомова, 35 лет

...Вечером к нему должна была прийти Катенька. Часа за два до ее **прихода**, не зная, как заставить руки не трястись, Сомов выпил стакан бабушкиного «пустырничка с прибабачом». Покойная баба Надя была чуть ли не из первопоселенцев и отлично помнила Землю. **У дяди была ферма на периферии русского сектора.** Он там устроил самую большую на Терре плантацию пятнистых подсолнухов. Дело не только в доходе: море цветов до самого горизонта – это все-таки очень красиво, хотя бы оно и не было морем роз, маков или тюльпанов... Вся семья, бывало, собиралась у дяди, распивала чай на открытой веранде, любовалась. И только бабушка недовольничала: «Э, да разве ж это подсолнухи? А? Вы бы видели, вы бы только видели, как оно на самом деле бывает...» А дядя, **бывало**, хмурился и произносил, глядя в сторону: «Неймется ей!» Виктор, тогда еще маленький, никак не мог понять причину бабы Надиного ворчания. Все вроде бы в порядке: крупные гроздья темно-синих соцветий мерно колыхались, уступая вечному ветру равнины; воздушные корни величественно нависали над узенькими дренаж-

ными канальцами; семенные погремушки, наполненные еще не до конца созревшим «товаром», издавали нежное потрескивание и переливались всеми цветами радуги. Подсолнухи и подсолнухи, что ей не так? До самой смерти баба Надя тосковала по Земле. Во всякой нормальной и привычной вещи она видела искажение или полную невнятицу. Вот, осталась от нее в наследство бутылка пустырничной настойки, незаменимого средства для успокоения нервов и обвального протрезвения. Покойница готовила ее с фармацевтической точностью. Ни разу не сделала оплошек в сложном производственном процессе. Но сливая дурнопахнущую фиолетовую гущу в надлежащую тару, она всякий раз взмахивала руками, как птицами крыльями, и дарила окружающим горькое причитание: «Пустырник! Да. Ха! Конечно, пустырник. Совсем пустырник. Абсолютно пустырник. Только с глузду съехавший. Пустырник с прибабахом. Ох уж эти мне ваши чудеса терранские...»

Стакан это, может быть, чересчур. От такой порции недолго и к сидению примерзнуть... Как бывает в ста случаях из ста одного, хорошая мысль приходит постфактум. Он задумался: а ведь если у них с Катенькой что-нибудь все-таки... ммм... начнет происходить, кто окажется горячее – он сам или матрас под ним?

Впрочем, иные средства не подходили. Напиться он себе не позволил. Во-первых, дело серьезное, во-вторых, он слишком дорожил Катенькой, чтобы демонстрировать ей та-

кую слабость. Хваленые таблетки ему ничуть не помогли. Он попытался было просто присесть и порассуждать с самим собой. Мол, раз иначе невозможно, к чему волноваться? В результате нервная дрожь перекинулась с ладоней на все тело.

Дядя, большой любитель ученых слов, как-то сказал ему: «Она мне нравится, твоя Катя. Женись на ней, дубина. Не упусти. Второй раз Господь тебя так уже не облагодетельствует. А вся беда у вас оттого, что в самом начале допустили инверсию...» – «Инверсию?» – «Ее. Переставили местами две важные вещи. Впрочем, кто только не совершал такой ошибки!» – «Попроще бы. Можно?» – «Можно, но не нужно. Инверсия у тебя тоже вышла... от простоты стоеросовой. Вы с Катей, видишь ли, переставили местами любовь и занятие любовью. Естественный ход вещей таков, если, ты, здоровый лоб, еще этого не понял: сначала люди влюбляются, а потом тащат друг друга в постель. А вы?»

Точно. Форменная получилась инверсия месяца за три до эпизода с пустырничной настойкой.

* * *

Бывают в жизни мужчины дни, когда он просто так, безо всякого особенного повода, не от горя и не от радости, напивается до поисков пятого угла в кругу неизвестный друзей. Ну ведь правда же случаются, что тут поделаешь! Женщины вот, например, шляются по барахольным магазинам,

рефлекторно просаживая всю достижимую наличность. А мужчины напиваются. По большому счету, квиты... Однажды Сомов напился в малоизвестном баре в компании довольно отдаленных, но исключительно душевных коллег. Коллеги напились совершенно конгруэнтно, но сделали из достигнутой гармонии с миром выводы, прямо противоположные сомовским. Они заявили, что надо бы уже распознаться по домам, покуда семейный счет за гармонию не достиг астрономических величин. Виктор изумился такой постановке вопроса, он ее просто не понял, но попрощался с подобающей сердечностью, поскольку зрелый навык взрослого мужчины к пьянству предполагает параллельное обретение большого политета в характерных обстоятельствах.

Коллеги отдались на волю автопилотов в аэрокарах, а он остался один и некоторое время выбирал между «еще сто пятьдесят» и «кружку пива, пожалуйста». Никто к нему не шел. Бармен отвратительно долго болтал с кем-то за стойкой. Официант в принципе отсутствовал. Механических «подавальщиков» тут не держали: мода прошла, а единственный живой ушел куда-то на кухню и не подавал признаков жизни. Виктор был на той стадии, когда внутренняя свобода уже вышла из узилища, но упрямые рефлексии все еще требовали обуздывать ее устремления. Иными словами, Сомов из последних сил пытался выглядеть трезвее истинного положения дел, в то время как истинное положение дел оказалось в полушаге от полного просветления. Весь этот, например,

буддизм, – тупая профанация запоя... Стадии просветления Виктору допускать не хотелось. Каждый раз, когда Сомов до нее добирался, его неизменно окружали добрые и милые зверюшки, оторваться от них не было никаких сил. Коньячный бальзам из терранского взрывающегося паутинника – любимое сомовское пойло – вообще стимулирует анимационные процессы в голове... Стадия просветления грозила марафонном суток на двое-трое. Нет, непозволительная роскошь. Поэтому он мужественно добрался до стойки и попросил пива.

Отхлебнув, Сомов почувствовал себя как будто в коридоре, где никто не думает о выходе наружу. Глубоко на втором плане Виктор был совершенно уверен, что не уйдет в штопор, доберется домой, не затеет шумство по дороге... Но он утратил способность планировать, как и когда это произойдет в действительности.

Отхлебнул еще разок и увидел женщину, которая тоже смотрела на него. Женщина сидела у самой стойки и одета была как-то совсем просто, ничего примечательного. В одно только черное. Сомов тогда подумал: «Ну, наверное, характер у нее невеселый...» Женщина глядела тоскливо. Так тоскливо, что даже в державном подпитии, когда мелочи в глаза не бросаются, нюансы безнадежно плывут, и любое слишком мелкое обстоятельство душою бывает отвергаемо, Виктор все-таки эту ее тянущую грусть почувствовал. Душа у нее болела, как иной раз болят зубы: хоть и не особенно сильно, но непрерывно и глубоко, где-то у самых корней.

Именно в таких случаях человек совершенно серьезно задумывается, пойти ли ему, наконец, к стоматологу, или терпеть до самой смерти, а там проблема снимется сама собой... Но тут не зуб, а душа, и следует либо сходить к священнику, либо, как она сейчас, найти себе кого-нибудь, совершенно неизвестного.

Женщина молчала. Отчего? Ах, ну да. Принято у них, пригласить взглядом, да и всякими другими мелочами, а потом посмотреть, в какие ты пустишься пляски, чтобы раздобыть искомое... Надо, стало быть, как-то ему действовать. И Сомов с полминуты взвешивал: стоит ли ему отрываться от питья в пользу приключений? Выходило – да, стоит, пожалуй, потому что женщина всегда уместна... Ну, кроме очень редких случаев. Кроме того, женщина – достойная концовка сегодняшнего вечера. Что может быть лучше женщины между выпивкой и похмельем. Потом, она, вроде, ничего. То есть, не пойми какая, поскольку никак у него не получалось собрать глаза в кучку и разглядеть незнакомку попристальнее. Тоской тянет и бедра широкие – вот все, что разобрал тогда Сомов. Годится. Что ей надо? Еще полминуты он сосредотачивался на мысли, как бы получше приступить к делу... Вот, она тоже его сканирует. Так что ей надо? Оба! Ей надо убедиться: этот мужик, хоть и одет прилично, и сам по себе не худший экземпляр, но уж больно пьяный, – не перетянет ли хмель в его башке все положительные стороны? Вот она оглянулась. Чего это головой вертит? А, нет ли тут

кого-нибудь поисправнее... Опять уставилась. Как видно, в поздний час сидели вокруг одни только *совсем неисправные*, или уже вдвоем. Сомов несколько раз прокрутил в голове первую фразу. Только бы не сбиться. Так много зависит от первой фразы! Ну, благослови Бог.

– Хотите пива, прекрасная незнакомка? С самыми благопристойными намерениями...

Еще две или три секунды она изучала Виктора. Фраза прозвучала на четверку с минусом, но не провально... Решилась.

– Возьми мне пива. Перебирайся поближе. Зови меня Катей.

Это было втрое быстрее ожидаемого. Он ожидал, конечно и того, и другого, и третьего, но с некоторым интервалом. Женщина, наверное, тверда была в своем намерении, а потому плевала на этикет случайных связей.

Сомов подождал, пока бармен наполнил кружку, и с гордостью продемонстрировал, что передвигается он все еще вполне членораздельно. И разговаривать может, не качаясь. Почти.

Он назвал и поддерживал чудовищно бессмысленный обмен репликами в течение четверти часа. Или меньше. Катя допила свое пиво, заглянула на дно, – там, видимо, открылось ей нечто исключительно интересное, – долго не отводила глаз, а затем честно сказала, мол, она живет недалеко. Мол, ты... эээ... Виктор? Да. Виктор, ты в состоянии?

Так и спросила: «Ты в состоянии?» Сомова передернуло от ее деловитости, но на такой вызов он не мог ответить от-казом...

В душ она его погнала. На всякий случай он и одежду снял только в душе. Кто она такая, Господь ее ведает, надо бы деньги иметь на виду. Вышел из душа, а она уже лежит в постели и смотрит на него из-под одеяла с напряженным вниманием. Огляделся: куда бы положить одежду? Не нашел подходящего места. Бросил на пол. Выключил свет. Смотал полотенце с бедер. Лег рядом.

Она:

– Не бойся...

– Да я и не боюсь, – ответил Сомов удивленно. Себя она что ли подбадривает?

Ну, с чего б начать-то? Начал он совершенно обычно. Принялся целовать ей шею, лицо, плечи. Женские руки вя-ло изобразили ответные действия. Виктор откинул одеяло и попытался ее обнять. Нет, неудобно она лежит. Не получится. Он погладил Катину щеку, потом волосы и попробовал было добраться губами до ее губ. И тут только почувство-вал: у полужнакомки Кати напряжена каждая мышца; перед ним лежит сейчас железная кукла, а не женщина. Или может быть, пехотинец, ожидающий команды на смертельно опас-ную атаку... «Да что с ней! Идет на мужика, будто на тан-ки...»

Он пустил в ход несколько более изощренные вещи. Он

даже попытался быть ласковым. Нет, колода. И обнимает его самого как вторую колоду.

Сомов разозлился:

– Так не пойдет. Ты слишком... твердая.

– Я признаться и полагала, что ничего не выйдет. Я была уверена. Не могу расслабиться даже с обычным нормальным мужиком. Извини меня. Протяни руку налево... чуть выше... там должно быть курево.

– Ничего нет.

– Черт! Забыла купить! Идиотка!

– Да что с тобой?

– Я была уверена... я была уверена... даже этого у меня нет... я была уверена...

Виктор увидел, как расплывчатое пятно ее руки закрыло расплывчатое пятно ее лица. «Сейчас завсхлипывает...» Хмель покидал голову с устрашающей быстротой. Страшно дорогой таблетки, изымающей из головы все самое драгоценное в пьянстве у него не было, жаль, пригодилась бы она сейчас... Ну да, с Божьей помощью, итак обойдется.

– Ладно. Это можно снять. Делай, как я говорю.

– Что можно снять? Жизнь мою можно снять? Ты видишь знаешь меня полчаса, а захотел чего-то снять во мне!

– Слушай, Катя, мы здесь лежим очень близко друг от друга. И мы, в общем, намерены были позаниматься любовью. Я понимаю: звучит грубо. Но я тебя совершенно не желаю оскорблять. Просто я думаю, что мы еще можем приступить

к этому. Ей-богу, шанс есть. Раз уж мы здесь, тебе не жалко будет устроить еще хотя бы одну попытку? Ну, одну маленькую, ни к чему не обязывающую попыточку... Снизойди к моей слабости.

Пауза. Мрачное адажио:

– Хорошо. Еще раз. Я готова.

Она вытянулась на постели не лучше трупа в гробу.

«О, нет».

– Эээ... Подожди ложиться. Я попрошу тебя делать кое-что, а, если тебе не трудно, так и делай, пожалуйста. Хорошо? Честное слово, ничего необычного. Все просто.

Она заворочалась и пробурчала нечто неразборчивое. Можно было расшифровать как «ладно, командуй». А можно было и как «пошел к черту». Виктор почел за благо выбрать первый вариант.

– Отлично. У тебя выпивка где стоит?

Это был тонкий момент. Пятьдесят на пятьдесят. Он внутренне приготовился одеваться. Но нет, видно, Катя не любила менять свои решения. Выдала лицензию на дубль два, значит выдала... Она поднялась на локте.

– Вино подойдет?

Он подумал: «После крепкого и пива не надо бы...» Но поздно было притормаживать действие.

– Да.

– Тогда в соседней комнате... Подожди.

Она встала и принесла початую бутылку чего-то сладкого

и липкого, совершенно дамского.

– Точно подойдет?

– Сколько тут градусов?

Катя подняла руку и неопределенно покрутила растопыренной ладошкой около уха.

«Сплошное нездоровье... – сделал для себя вывод Сомов. – Ладно, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не употребляло героин».

– Хорошо, неважно. Теперь сядь напротив меня... лицом к лицу... нет, ноги вот так положи... нет... вокруг... нормально.

Она не проявляла недовольства. Наверное, окунуться в чужую чушь легче, нежели все время пребывать внутри собственной бессмыслицы.

– Ты отпиваешь глоток... маленький глоточек, – продолжил Сомов, – и целуешь меня. Я скажу – куда. Потом отдашь мне бутылку и командуешь, во что целовать тебя. Очень тебя прошу, для начала не заставляй меня добираться до слишком отдаленных мест. Ты готова?

Короткий кивок. У нее было необыкновенное самообладание. Ни фырканья, ни саркастических комментариев, ни какого-нибудь суверенного плечепожимания... Она как будто вышла в дорогу, захватив с собой знающего проводника.

Сомов:

– Ладонь...

И он показал пальцем, какая именно ладонь, чтобы не раз-

мышлять ей попусту: левая – с чьей стороны. Она:

– Тоже... ладонь...

– Локоть...

– Плечо...

– Шея...

– Плечо...

– Колено...

– Шея...

– Щека...

– Грудь...

– Лоб...

– Грудь...

– Подбородок...

– Грудь...

– Ээ... шея...

– Грудь...

Она легонечко вздрогнула: Виктор почувствовал это кожей. Есть женщины, которые разгораются долго, есть – которые не гаснут никогда, существуют и те, кого не стоит особых трудов раскочегарить в одну минуту. Все они хороши по-своему. Но всех милее были для Сомова те, кто теряет над собой контроль и воспламеняется в один миг. Виктор очень ценил эту великолепную породу, ведь именно она заставляет мужчину почувствовать себя чудотворцем: только что, минуту назад, пять минут назад, четверть часа назад женщина была почти холодна, слегка поигрывала в любовный поеди-

нок, подчиняясь едва слышному зову из-за глухой двери... как вдруг дверь отворяется, и на смену полному почти покою приходит неистовство. Так вот, Сомов с восторгом почувствовал: отворилась Катина глухая дверь.

Виктор:

– Губы...

Она оказалась страстным человеком. Безыскусным и страстным. Природа заложила в нее коротенькую паузу – между двумя разными состояниями. Несколько секунд назад в голове маячили совершенно нелепые мысли: «Как я выгляжу? Чертовски странная ситуация... А не может ли он воспользоваться? Будто в дешевом романе...» А на заднем плане еще того хуже: «Сколько мне осталось спать? Ах да, завтра выходной... Сегодняшнее посещение бара обошлось слишком дорого, опять придется занимать. Почему повышение получила не я, а этот неуч?» Пауза. Чистое пламя.

Женщина прикоснулась к его губам и закрыла глаза. Отпущенное природой время – считанные мгновения – она наслаждалась тем, что с ней сейчас произойдет. Какой-то бестолковый центрик в мозгу лепетал: «Правильно ли все происходящее?» А все остальное ему отвечало: «Пошел ты!» Он не унимался: «Погоди-погоди, надо сосредоточиться». И получал ответ: «Накося выкуси!» Потом центрик заглох, и Катя в полной темноте медленно поехала из мусорных будней в огонь чистейшей пробы. То ли в абсолютной пустоте, то ли высоко над пропастью...

Призрак поцелуя превратился в поцелуй лавы. Она разрушила их общую игру. Потянула его на себя и вскрикнула:

– Немедленно!

Куда-то в сторону полетела бутылка. **При других обстоятельствах это было бы приравнено к настоящей катастрофе: и ладно бы одни осколки (получилось вдребезги), но еще ведь брызги недопитого вина – сколько вещей может пострадать в квартире одинокой и небогатой женщины!** Только черта с два заметили двое сумасшедших звон разбитого стекла, черта с два успели они подумать о брызгах...

Все кончилось в несколько движений, порывистых, почти судорожных. Им обоим было не особенно удобно, они даже не успели как следует обняться. Это было так неожиданно, что Сомов выстрелил коротким и очень мужским ругательством, а она ответила ему лишь:

– Аxxxxxxxxxxxxx...

Вышло совершенно неправильно, и все-таки очень красиво. Он планировал совсем не то, да и она не о том мечтала, но теперь оба лежали в молчании, подавленные роскошью случившегося. Над ними витал дух торжества. Слова бы только измарали их общее ликование.

Наконец, она решительно повернулась к нему спиной. Шепот:

– Обними меня.

Виктор осторожно прижал ее к себе одной рукой, а вторую

положил женщине под голову. К тому времени он знал Катю меньше полутора часов.

* * *

Он проснулся от мерного гуда, который издавал кухонный агрегат.

Первый вопрос: сумасшедшее вчера прошло, и как именовать Катерину в рассудочном сегодня? На ты или на вы?

Второй вопрос: что делать с головой? Лучше всего – отпилить ее сразу. Тогда никто не будет сверлить мозг и насыпать на все тело зуд. Но, возможно, в процессе отпиливания выяснится, что в голове есть нечто жизненно важное, и тело неважно откликнется на процедуру.

...Она вошла в комнату. Сомов застал собственные руки за нелепым делом: они подтаскивали одеяло к самому горлу. Катя, заметив это, смутилась и сама.

– У меня почти ничего нет. Черный кофе. Поджаренные хлебцы с маслом и колбасой. Ненавижу синтетическую пищу... Ты будешь? – она проговорила все это с преувеличенной веселостью в голосе. Собственно, Катя передавала ему право решать, будет ли продолжение. Два взрослых одиноких человека пребывали в нерешительности. Обычный вариант, предписанный этикетом случайных связей, это когда один из двоих, а именно тот, кто первым осознал ненужность происходящего, вежливо показывает второму: нам нет смыс-

ла пребывать в обществе друг друга слишком долго... Катя сигналила другими флажками: я не знаю, я не уверена, решай сам. А он и сам был не уверен. Ночью совершалось нечто необычное, и от его слов зависело, станет ли оно пре-красной случайностью или чем-то большим.

Несколько секунд Сомов колебался. Она была хороша, хотя и старше его, явно старше. Она подходила ему какой-то неуловимой внутренней сущностью. Все женщины, с которыми он делил ложе до сих пор, оказывались недостаточно сумасшедшими. Эта, похоже, далека от «недо», она, скорее, «пере»... ну так чудесно, очень хорошо, чего желать еще? И не то, что бы он опасался долгих знакомств. Все воспитание Сомова говорило ему: однажды, брат, ты должен осесть, утихомириться, завести семью и сделать детей. Но когда именно? И почему именно сейчас его посещают подобные мысли? Бывало, он проводил по году с какой-нибудь милой дамой и не задумывался над тем, какая судьба их ждет дальше. А тут... Одна ночь всего, а он лежит перед совершенно незнакомой женщиной, голый, нескладно кутаясь в одеяло, и внутренне прощается с эпохой вольности, странствий, приключений. Да почему? Может, задержаться? Что значит – задержаться? Ведь он в любой момент сможет освободиться, если надо... Женщина – не тряси́на, откуда столько тревоги? Но над всеми его прагматическими рассуждениями царило иррациональное убеждение в неумолимости происходящего. Придется, наверное, послать подальше и вольности,

и приключения, и странствия. Вот женщина, которую судил ему Бог. Почему именно она, Бог и знает.

Так бывает иногда. Судьба является к тебе утром в пестром халатике и спрашивает, хочешь ли ты кофе, быть вместе и умереть в один день? Надо быть полным идиотом, чтобы отказаться.

– Да, Катя. Во всех отношениях да.

Она заулыбалась.

– И вот что: твоего кофе будет недостаточно. Мы идем туда, где познакомились, заказываем пива и мяса. А потом портим твою фигуру шоколадным тортом. Честно говоря, столик я уже заказал по чипу. Надеюсь, ты не против?

– Да. Во всех отношениях да.

Она сделала паузу и добавила:

– А потом вернемся и начнем все сначала, но с большей...

МММ...

– Раздумчивостью?

– Что ж, назовем *это* раздумчивостью.

За кофе она осторожно поинтересовалась:

– Меньше всего я хочу обидеть тебя. В самом начале... в баре... все получилось чуть-чуть сумбурно... Одним словом, как тебя зовут? Я забыла...

– Виктор.

– Ты простишь меня?

– Мне не за что тебя прощать.

Сомов прикоснулся к ее волосам. Длинные черные воло-

сы. Прямые, блестящие, разумеется, крашенные и, скорее всего, поверх белых крупинок проседи. Угадав его мысли, Катя сказала, не теряя спокойствия:

– Мне тридцать пять лет.

– Отлично.

Ему было наплевать. У судьбы нет возраста.

Зато у судьбы есть чистая белая кожа. Случается иногда такая благородная бледность, для которой противоестествен любой загар. Еще у судьбы светло-карие глаза, мелкие, но правильные черты лица, высокий лоб и тонкие губы. Неровные, стремительные, грациозные движения, быстрая и ровная походка, мальчишеская фигура. Аристократические запястья.

Еще от нее веяло гордостью.

...В баре они болтали и смеялись. Разговор зашел о способах знакомства с особами противоположного пола. Виктор высказался в том духе, что он, по правде говоря, он не знает, как знакомиться с женщинами. Это всегда происходило как-то само собой. И, сказать честно, не особенно редко...

Она усмехнулась:

– У меня иначе. Я всегда сама выбирала. Да... Я выбирала сама. И была верна тому, кого выбрала. Почему они все оказались... такими слабыми?!

– Ну, не знаю. Разные люди бывают...

– Разные. Не подумай, я ни от кого не просила ничего особенного. Просто... для них моей любви бывало слишком

много. Совсем недавно... неважно... уже это прошло... в общем, один сказал мне: «Будь легче. Расслабляйся. Не привязывайся всерьез».

– Ушел от тебя?

Она усмехнулась. Мол, зачем спрашивать, итак понятно. Потом заговорила вновь:

– Понимаешь, мне стало холодно. Я как будто вся задеревенела... Вчера такая тоска меня взяла! Почему я не могу расслабиться? Да все я могу. Или я не женщина? Все у меня получится. А если не получится, кончать надо с такой жизнью.

«Глупости какие. Видно поп ее приходской адскими скорородками не допугал до нужной кондиции».

– Не-ет. Это ты про меня глупости думаешь. Нервы у меня крепкие. Просто я подумала: «Все что можно – продать. Уехать отсюда. Скитаться, сколько получится. Либо найти место, где меня примут такой, какая я есть, либо попробовать жить иначе. Только не здесь». Первый раз в жизни я знакоилась у стойки бара. Загадала на того, кто будет рядом со мной: если все получится хотя бы сносно, останусь здесь. Может быть, попытаюсь измениться, хотя очень не хочется. Если не получится... что ж, тогда и уеду.

– Я у тебя был вроде орла и решки?

– Я должна извиниться? Если должна, – извинюсь. Мне не жалко. Я ведь не знала тебя.

«Ты и сейчас меня не знаешь... А я – тебя». Впрочем,

это не играет роли. Он разглядел в ней судьбу, и Катя, как видно, тоже отыскала в нем нечто. Она едва-едва запомнила его имя, не имеет представления о его работе, склонностях и привычках, дурном и добром в его характере... Но безо всего этого чувствует куда более важную вещь: им не разойтись больше, как двум случайным прохожим на контрукурсах. Вчера не чувствовала и не знала, а сегодня – знает и чувствует... Изменилось больше, чем кажется.

– Должна. Только совсем за другое.

– Позволь догадаться. Я слишком много ем и слишком много болтаю. Ты прав. Извини.

– Извини и ты. Потому что *мы* слишком много болтаем.

Она рассмеялись одновременно.

– Виктор... я все никак не могу определить, что при тебе делать можно, а что нельзя. Прилично ли выйдет если то, и если се... Ты даже представить себе не можешь, до какой степени я готова поторопиться.

Сомов оставил купюры на столике, прижав их пепельницей. Намного больше чаемой суммы. Ему слишком не хотелось возиться со счетом.

...Вначале это было очень медленно. Невероятно медленно. Им обоим доставляло наслаждение сдерживать страсть почти до самого конца. А потом Катя шепнула:

– Давно со мной не было никого *достойного*. Придется кое-что вспомнить...

Взрыв.

Еще один раз – ближе к вечеру. Еще один – поздно ночью. И еще один – утром.

Он отправился на работу прямо от нее. Небритый, как неандерталец.

* * *

Их первое свидание произошло три месяца назад. Бог весть, в какой именно день Сомов понял, что любит ее. То есть, когда первый раз внятно подумал: «Люблю», – одновременно сообразил, насколько давно любит... Но сказать все не получалось. Какая глупость – эта самая инверсия!

Сегодня придется сказать, дольше тянуть невозможно. **Дотянул до самого неудачного дня, какой только можно вообразить.**

Виктор Сомов был лучшим строителем космических кораблей во всем русском секторе. Более того, в негласном реестре Терранской ассоциации корабелов он твердо стоял на первом месте. Говорят, с приличным отрывом от остальных умельцев... Вот уже три года, или около того, как Сомову поручали самые сложные, самые крупные и самые дорогие заказы из всех, какими только заняты были верфи планеты. Тем не менее, он никогда не чувствовал особой любви к своей профессии. Просто у него легко получалось то, к чему другим приходилось прикладывать все силы.

Наверное, от Бога ему дан был этот дар, и Сомов ценил его очень мало. Гордился своим положением – да, разумеется, но какой мужчина свободен от гордости за все то, чего добился он сам, своими руками и своей головой, ну, может быть, еще с Божьей помощью?

Теперь гордость его оказалась задета. Во всей истории Терры-2, Внеземелья, а может быть, и самой Земли, не было корабля важнее того, что достался *не ему*. Разве только далекий легендарный «Восток»...

Кажется, вся планета прознала о его позоре... Ну, если не вся, то уж профессиональный цех корабелов с родней и знакомыми – точно. В 23-м году на периферии, едва освоенной, но теоретически входившей в подконтрольную зону русского сектора, нашли актиний. Вещество, запросто гроящее металл, пластик, резину, губительное для живого тела и приводящее в состояние тихого слабоумия любую технику. Полгода спустя гениальный физик Марина Нестерова чисто теоретическим путем вывела чисто теоретическую возможность использовать переработанный актиний как топливо для космических кораблей. О, это, конечно, открывало небывалые перспективы, – актиний занял бы в 17000 раз меньший объем по сравнению с традиционным топливом фотонных звездолетов, добавил бы скорости и позволил бы сэкономить целый океан металла на топливных резервуарах, – но,

к сожалению, Нестерова не оставляла ни единого, даже самого гипотетического шанса на постройку такого корабля. Двигатель, работающий на веществе-киллере? Даже не смешно. Чем его добывать? В чем перевозить? Чем от него экранировать технику? Весь планетоид знал об актинии.

Кроме, разумеется, женевской администрации.

Миновал еще один год. Бюро не менее гениального Карлоса Эредиа представило проект: добывать – угловниками; перевозить – в керамике; экранировать – фанерой. В органике, принимающей на себя удар излучения, происходят необратимые деформации, но техника за «живой» стеной чувствует себя отлично. Фанера – не фанера, а нечто вроде сменных деревянных щитов вполне уместно... Проект Эредиа каким-то образом оказался известен доброй половине населения планетоида.

Разумеется, женевская администрация опять не в счет.

Кто должен был строить корабль? Сомов. Никто не сомневался в этом. Но серьезные люди в испанском секторе усомнились: русские открыли, русские будут разрабатывать, им прибыль в первую голову; мы, конечно, кое-что будем иметь от Эредиа, да, но отдать заказ на русскую верфь – значит обокрасть самих себя. Где справедливость? Русский сектор ответил: по

большому счету, мы на планетоиде старшие. Латино не без раздражения сообщили, мол, и мы – не младшие. Но ссориться никто не пожелал. Во-первых, надо всеми нависал общий враг – женевцы, и большая гроза уже распространяла сырое удушьё из будущего в настоящее. В Солнечной системе война к тому времени всюю шла... Во-вторых, на Терре-2 когда-то, давным-давно лупили друг друга прадеды, крепко дрались деды, отцы время от времени схватывались, а вот нынешнее поколение научилось жить без особых кровопусканий, и очень дорожило этим умением.

По общему решению лидеров русских и латинских кланов, контракт передали третьей силе – полякам. А точнее, Кшиштофу Данилевичу, мастеру с солидным опытом, правда, всего-навсего седьмому в реестре Ассоциации...

Сомов сгоряча пригрозил увольнением. Угрозу удовлетворили.

Сомовское семейство официально «тянуло» к большому и влиятельному клану Рыжовых-Давыдовых, третьему по силе в русском секторе. Виктор связался с тем из родственников, кто действительно мог решать кое-что. Он задал простой вопрос: «Можно ли... отыграть назад?» Родственник честно попытался разузнать на самом верху, есть ли надежда, и через пару дней передал вполне определенный ответ: «Во всем отказано. Рекомендуются сидеть тихо».

Катенька даже не смела утешать Виктора. Она просто была на его стороне – прав он, или нет.

Треть планетоида знала о решении негласного правительства Терры-2 и позоре корабеля Сомова. Женецев лишили возможности *хотя бы заподозрить* неладное. Актиний, сказочное богатство, делал Терру жемчужиной в короне Женевы и, одновременно, микробомбой у нее на макушке. Кланам требовался весь резерв оставшегося времени – до последней минуты. Как только строящийся чудо-корабль «Гетман» перестанет быть тайной, война неумолимо шагнет на порог...

Виктор сначала хотел напиться. Потом рассудил: это никуда не уйдет, и отправился на поиски работы. Корабелом быть он больше не хотел – трудно становиться полковником там, где был маршалом. Инженером-ремонтником его бы взял каждый, но сколько они зарабатывают, эти инженеры-ремонтники! Курам на смех. Корабельным техником на грузовик или лайнер? Что ж, возможный вариант. Но там ему предлагали еще меньше. Шутки ради, Сомов обратился к военным вербовщикам. Мол, офицеры нужны? Есть тут, мол, у меня один знакомый, из него вышел бы очень приличный офицер инженерного профиля... А разговор шел живую, через экран инфоскона. Виктор еще даже назваться не успел. Только пошутил. Почти пошутил. Так, на всякий случай. Да. На той стороне, в заэкранье, – напряжен-

ная пауза. Сомову отвечал осанистый такой старик в серьезном мундире с погонами... эээ... чинов тогда Виктор еще не разбирал. Он, старик этот, переглянулся с кем-то, какие-то быстрые команды отдал невидимым отсюда людям, и назвал сумму. Просто назвал сумму, больше ничего. «В месяц?» – переспросил Сомов. – «В неделю. И только на время учебы. Это полгода или год. У нас сейчас ускоренные выпуски. Потом – больше».

Столько он не зарабатывал никогда.

И сейчас же к нему обратились по чипу, с детства установленному над переносицей: «Извините, господин Сомов, мы вынуждены были отыскать вас оперативно. Ваш знакомый попал в сферу государственных интересов Терры-2. Мы рады были бы познакомиться с ним лично».

Тут даже легчайший привкус шутки улетучился у него из головы. Сомов полагал, что на такие фокусы способна разве что контрразведка какая-нибудь. Или контора вроде того, но похлеще. Вербовщики отыскали его за тридцать секунд...

Не захотелось ему уворачиваться. Не то настроение.

– Я говорил о себе. Переключитесь, пожалуйста, на инфоскон. У меня всегда плохо получалось общаться через чип: терпеть не могу сосредотачивать сознание на чем-нибудь одном...

После недолгой паузы старик-вербовщик вновь заговорил с ним:

– По закону, господин Сомов, вы не подлежите рекрути-

рованию...

Виктор обозлился:

– Даже намекать на это было большой глупостью с вашей стороны!

– Извините. Надеюсь, моя оговорка помогла вам осознать всю серьезность, с которой Объединенная Координирующая Группа Терры-2 относится к создавшейся в последнее время военно-политической ситуации.

– Уже появилось правительство? – невольно вырвалось у Сомова.

У офицера едва заметно поднялись брови. Намек для серьезных умных людей: неужто непонятно? стоит ли обсуждать очевидное? Однако экс-корабел не настроен был проявлять ум и серьезность. Если они там заинтересованы в людях до такой степени, пускай выдадут всю возможную информацию, какого черта он должен облегчать им жизнь? Сомов никак на отреагировал не маневр бровями. Вербовщику пришлось продолжить:

– Разумеется, нет причин говорить о формировании правительства. Мне известно лишь о консультативном органе по вопросам военно-политического администрирования, в котором приняли участие представители русского, испанского, польского и украинно-белорусского секторов.

«Значит, с порту дело не сладилось... А впрочем, первым раз все дошло до такого... До чего – такого? Совет кланов был всегда... Точно. Только раньше со мной не стал бы

так открыто разговаривать о всяческих как-бы-не-правитель-ствах мелкий военный чиновник, пешка, по сути дела. Ну, дают наши!».

– Я понял вас.

– Если вы подтверждаете свой интерес к военному ведомству, как к работодателю, я уполномочен предоставить необходимые сведения, организовать экскурсию на территорию военного училища, а также, в случае вашего окончательного согласия, подписать контракт от лица Терранских сил безопасности.

«Интересно, с женой он так же разговаривает? Дорогая, мол, в случае положительной реакции на ознакомление с моими планами, касающимися ночной части суток, запрашиваю подтверждение на заранее обговоренный комплекс действий...»

– Экскурсия?

– Большинство добровольцев не проявляет интереса, но нам поручено...

Кажется, офицер не нуждался в лишней работе.

– Считайте, я проявил интерес.

Кто-то пребывающей бесконечно выше старика-вербовщика на лестнице власти, недавно плюнул Сомову в лицо и каблуком растер плевков. Да хоть бы этого и не произошло! Бывший инженер-судостроитель воспитан был в том духе, что любить следует землю, а не власть. С властью надо вести уклончивые переговоры, торговаться, где можно, подчи-

няться, где иначе нельзя, и оказывать должное почтение. Но любить?

– Извольте, господин Сомов, мы готовы. Давайте договоримся о встрече.

...В училище ему не понравилось буквально все. Режим, расписанный по минутам. Устаревшая техника, которую судорожно меняли на новую и, как видно, новой не хватало, не хватало, не хватало. Короткие стрижки. *Очень средние* запахи в столовой. Избыточно чистые полы, да и разило от них дешевой химией... Но особенно неприятным был взгляд сержанта-инструктора: столько было в нем презрения! Тусклоокий сержант смотрел на него профессионально, то есть, как на потенциального *клиента*, и в глазах у него ясно читалось: «Ах ты ж хлюст гражданский! Попадись ты мне на месяц-другой, и я построил бы из тебя человека».

Кажется, все было против волонтерского контракта. Кроме денег, конечно.

Стояла жара, сопровождающий Сомова офицер из вербовочного агентства то и дело вытаскивал из кармана платочек и вытирал им лоб. С облегчением он сообщил Виктору:

– Теперь симулятор. Минут двадцать, а потом – все, финита.

– Финис коронат опус.

– Что?

– Показывайте симулятор.

Его усадили в кабинке, имитирующей корабельный инже-

нерно-ремонтный пост. Почти всю аппаратуру он знал, о чем и сообщил сопровождающему. Судостроитель обязан такое знать.

– Отлично. Сейчас вам симутируют восемь стандартных ситуаций, требующих вмешательства корабельного инженера в боевой обстановке. Вы не против?

– Разумеется, нет.

Его собеседник вышел из кабины. Погас света, включилась аппаратура. Сомов был совершенно в себе уверен. Что такое космический корабль он знал, как никто на Terre.

...Один раз он решил задачу оптимально. Еще с одной задачей Виктор справился, что называется, правой рукой через левое ухо, но все-таки справился. А все остальное... два общих пожара, полный выход из строя ходовой части, полный выход из строя системы связи – как внутренней, так и внешней, потеря половины экипажа, и, наконец, взрыв корабля.

Он вышел из симулятора, чувствуя нестерпимый стыд пополам с досадой. Сомов понял: ему на роду написано заниматься спасением кораблей от неприятностей, он будет флотским офицером, он научится выходить сухим из любого лиха и неясно, какого ляда он до сих пор строил свои лоханки, – вытаскивать их у косо́й из-под носа куда приятнее... А сержант с его этими тухлыми глазами – только временная неприятность. Вполне преодолимая.

Вербовщик встретил его изумленным возгласом:

– Вы уже практиковались?

Виктор не понял.

– Вы... вы... Обычно такого уровня достигают на четвертом месяце обучения.

«Почему они никак не поймут, кто я, что я? Никак не поймут».

– Я Виктор Сомов.

Ему следовало посоветоваться с Катенькой, а уж потом подписывать контракт. И Виктор хотел было потянуть, сказать, мол, так и так, нужен денек-другой на размышления... А потом плюнул и подписал.

Видит Бог, он любит Катеньку, очень любит. Никогда никого так не любил. Но службу он выбрал себе точно так же, как и женщину: по наитию. Почувствовал, как тянет его сюда... И ничто теперь не способно было своротить Сомова с этого пути.

Старик из вербовочного агентства, уладив дело, сообщил ему:

– Вы нравитесь мне, молодой человек. Приятно брать на флот человека, которому не понадобилось вживлять электрод в центр романтического идиотизма...

– Устали?

– Что? Да, устал. Привык быть военным человеком, на старости лет не хочу в отставку. Хотя бы так, хотя бы вербовщиком... И то – лучше. Тем более сейчас.

«Смотри-ка, совсем иначе заговорил». Старик, тем временем, продолжал:

– Я сорок лет был мирным военным. Флотский артиллерист, которому ни разу не пришлось стрелять по настоящему врагу... Вряд ли вы способны понять, насколько это может быть тоскливо. Не подумайте, я не выживший из ума кретин, я прекрасно понимаю: Терре-2 ни разу не пришлось воевать в открытую, и отлично! Лучшего не придумаешь. Но чертовски неприятно уходить, так и не попробовав того, к чему тебя готовили всю жизнь. Теперь другие времена. Нам придется драться. Многие приходят ко мне с глазами, как после косметической операции, возьмите, – говорят, – хочу воевать за Терру... или вот еще вариант: хочу воевать с женеvцами! Как вербовщик и как терранин я должен бы радоваться подобному боевому духу в массах. И даже подогреть его в... эхм... клиентах. Но мне больше импонируют люди, которые просто решили как следует поработать. А знаете почему?

– Почему?

– Признаться, я абсолютно уверен в нашей победе над женеvцами. Мы лишком далеки от них, и сейчас требуется лишь перерезать последнюю связующую ниточку. Возможно, эта моя уверенность покажется вам иррациональной...

– Отчего же. Таково, по-моему, общее настроение.

– Вероятно, вы правы. Тем лучше. Так нам будет проще понять друг друга. Понимаете, как профессионал я знаю совершенно точно: чем больше мы наберем парней с сумасшедшими глазами, тем больше мы потеряем. Мы нуждаем-

ся в спокойных и очень спокойных людях.

– Что ж, рад слышать.

Старик помялся и произнес:

– Не должен бы, но... Буду с вами честен. С того момента, как вы с нами связались у вас не было иного пути.

– Не понимаю.

– Положение дел не оставляет иллюзий. Силы безопасности гребут под себя всех, кто способен передвигаться на своих двоих и членораздельно разговаривать. А тут – специалист вашего класса изъявил интерес... Поверьте, военное ведомство просто *не дало бы* вам отыскать работу в другом месте.

– Как?

– Самыми радикальными методами.

– Поверьте и вы, я не стал бы военным под нажимом.

– Вам не оставили бы выбора.

– Выбор есть всегда. На худой конец, я сдох бы от голода.

– Вы серьезно?

– Мне нравится место, в котором я родился и живу, я хотел бы наподдать женецам, и офицером стать мне в конце концов захотелось... Но Бог свидетель, ни одна сволочь меня не переупрямит. Лучше быть никем, лучше не жить, чем жить по чужой указке.

– Вы говорите совершенно спокойно...

– Все мое поколение таково. Таков наш образ жизни. Даже на самом приземленном, на самом бытовом уровне.

Старик издал сухой смешок. Как будто поперхнулся.

– А впрочем, вы знаете, я вас понимаю. Мы и сами были такими, просто в вас это качество более... как бы правильнее сказать? В общем, его концентрация выше. Извините.

– Вы были прямы со мной. Спасибо.

– У вас по контракту еще 72 часа на отдых и обустройство личных дел. Не опаздывайте. И вот еще что: в следующий раз, когда мы встретимся, если встретимся, конечно, у нас уже не будет такой беседы.

– Почему?

– Вы обязаны будете отдать честь и начать со слов: «Разрешить обратиться, господин полковник!»

...Теперь Сомову предстояло сообщить Катеньке три важные вещи: во-первых, рассказать про свою к ней любовь; во-вторых, что по этой самой любви он с утра хрястнул военным контрактом; в-третьих, попросить руки и предложить взамен сердце.

Отличная по большому счету идея: подарить розы, щедро усыпанные дохлыми лягушками...

Минуло два месяца, как они стали жить вместе в его доме. Увертюру для каждого вечера выбирала она. Это мог быть душ, ужин или постель – чуть ли не от самого порога. В тех случаях, когда постель не становилась первым номером программы, она неизменно бывала вторым. Катенька приходила домой усталая до смерти. Диспетчеру подземки нужна не голова, а компьютер, и такую электронно-вычислительную го-

лову следовало выводить из мира сетей, поездов и потенциальных аварий очень ласково и бережно... Иначе ведь и во сне примется бормотать о каком-то, прости Господи, переключении с линии на линию.

Именно постели он не мог ей сегодня дать. Вышло бы как-то... нечестно. Это если рассуждать в категориях голоштанного детства, то есть в самых правильных. Во категориях взрослого бытия все то же звучало бы исключительно сложно и неоднозначно, однако под покровом психоаналитической сложности пряталось бы лишенной всякой серьезности, но почему-то способное больно уязвить слово «нечестно». Нечестно, да и все тут. Сомов отдавал себе отчет в последствиях. Кто ее знает, Катеньку, может ведь просто повернуться и уйти... Вот у них все закончится, и тут он сообщит, мол, какие у меня к тебе нежные чувства, сдуреть можно, желаешь ли быть офицерскою женой? А она – хрясь по роже и шмыг в дверь... А за десять минут до того он был бы с нею одной плотью, и вышло бы, что был то ли напоследок, то ли впрок. Попользовался, одним словом. Не поймешь, какое слово отвратительнее: «напоследок» или «впрок»?

С Катей Сомов хотел быть либо навсегда, либо никак.

Бог дал ему маленькую передышку. Сегодня первым номером Катенька назначила ужин. Все шло по заведенному порядку, словно гамма, сыгранная многое множество раз... И Виктор все прикидывал, как бы ему получше начать, и какое бы выдать предисловие... поуместнее. А потом отложил

вилку и взял Катю, сидевшую напротив, через стол, за руку.

– Я люблю тебя.

Ужин прервался на ноте фа.

Катя встала, перешла на его сторону и сомовскую голову к своему животу.

– Я, знаешь ли, очень ждала.

Нагнулась и потерлась виском о висок.

– Мы не с того сегодня начали, Витя. Пойдем со мной.

Иди же.

– Подожди! Подожди... Я завербовался в силы безопасности... Осталось шестьдесят часов до... казарменного режима.

– Что?!

– Через шестьдесят часов я перейду на казарменный режим. Первые увольнительные, говорят, не раньше то ли четвертого, то ли пятого месяца учебы. Всего полгода училища... а потом мне уже не быть гражданским корабелом... я стану корабельным инженером. В смысле, офицером, военным...

Катенька отпрянула. Отвернулась. С минуту искала глазами невидимую подсказку в углу. Сомов не смел прикоснуться к ней. Он только смотрел на ее руки, на неестественно растопыренные пальцы... Потом она совершенно спокойно сказала то, чего Виктор никак не мог ожидать:

– Это не меняет дела. Пойдем.

...Она была яростна и ненасытна, как земля, дорвавшаяся

до весеннего тепла и разразившаяся буйством ручьев. Она тонула в нем, словно в болоте. Потом, откинувшись на подушку и переведя дыхание, Катя заговорила:

– Суть дела: я тоже люблю тебя.

Он взялся целовать ей руку – палец за пальцем, – затем перешел ко второй, но Катя сжала пальцы в кулак.

– Послушай меня сейчас, Витя. Я по глазам твоим, по лицу могу прочесть все твои страхи. Напрасно. Ты, наверное, не до конца понял, с кем связался. Я не отступлюсь от тебя, чего бы ни случилось. Кем бы ты ни был, что бы ты ни делал, я теперь с тобой – до самого конца. Говорят, мужчины любят женщин, которые готовы за ними пойти хоть на край света... Я готова. Только не *за* тобой, а *с* тобой. Надеюсь, ты понимаешь, – я не навязываюсь. Просто я верю: если мне будет по-настоящему нужно... – слышишь ты, *по-настоящему*, – видеть тебя рядом, просить о чем-нибудь важном, ты сделаешь все, как надо. Хочешь служить – служи. Я знаю, отговаривать тебя не стоит. Бесплезно и глупо. Ты выбрал путь... хороший путь... и я не могу и не хочу тебя останавливать.

Сомов не знал, что ему ответить. Как ни скажи, а все выйдет ниже Катиных слов.

– Если бы мы не лежали сейчас, я бы, пожалуй поклонился тебе.

Она, наконец улыбнулась.

– Чертов Сомов! Ты мне за это заплатишь. Женись на мне завтра же!

– Это, я так понял, предложение?

– Это распоряжение. Сейчас мы встанем, я пойду за платьем, а ты церковь, договариваться насчет венчания... И вот еще, совсем забыла: в гробу я видела контрацептивы! Сделай мне ребенка. Ты вообще-то помнишь, сколько мне лет? Помнишь? Помнишь или нет?

– Нет, разумеется.

– Правильный ответ. Рожать в любом случае – более чем пора...

* * *

Так Катенька стала госпожой Сомовой.

Все шестьдесят часов – до самой стоянки аэрокаров у ворот училища – она была весела. И вовсе не сдерживала слезы, не боролась с комком у самого горла. Никакого комка не было, да и глаза не искали дополнительного увлажнения. Просто пока они оставались вместе, слезы не нужны были ни ему, ни ей.

Потом они понадобились...

Но Виктор об этом уже не мог ничего знать.

Глава 4

Любовь по-испански

10 и 13 апреля 2125 года.

Система Сатурна.

Виктор Сомов, 29 лет.

Развспоминался! Ну-ну. Далеко еще до теплого бока.

...На мониторе – смена вахты у техников. Один доброволец уступает место другому. Неисправностей нет... вот разве что накопители машинного отделения... что-то там невразумительное... статистический заряд... ка-акой заряд? Старшина, вы кем были на гражданке? Оператором пищевой акклиматизации? Это какое образование – скорее гуманитарное или скорее техническое? Скорее никакого... Так. Увольнительные на поверхность будете получать через школьный курс физики. Разделы в программе я определю лично. Что? Смирно!

Фигура на мониторе вяловато вытянулась и «приклеила» руки к бедрам. Вольно. Сам разберусь с накопителями.

Сомову предстояло четыре часа наблюдать за приборами, которые сами, по доброй воле сообщают состояние всех систем корабля и, кроме того, каждый час делать запросы тем приборам, которые нуждаются в пинке. Для разнообразия повозиться с накопителями – одно удовольствие.

Капитан-лейтенант перенастроил приборы на чип, дав-

ным-давно, в детские еще годы, вживленным ему над переносицей. Если будет что-нибудь срочное, или, спаси Господи, угрожающее, он узнает об этом моментально... Потом он отправился в машинное отделение.

Накопители, в сущности, глубокая периферия. Все, на что они годны – собирать даровую энергию для освещения нескольких отсеков. А даровая она потому, что просачивается неведомым для науки способом через все мыслимые и немыслимые экраны от работающей ходовой части; более того, собрать рассеянную энергию подобного рода теоретически просто невозможно. Физика в лучшем случае способна описать это явление, но отнюдь не понять его. С другой стороны, есть в подобной расстановке акцентов нечто исконно флотское: конструкторы собрали и запустил в серию устройства, принципа действия которых напрочь не понимают, а корабельные иженеры ремонтируют их, и порой небезуспешно, хотя в большинстве случаев не знают даже, из чего они сделаны... Работает? И ладно. Техники сделали несколько ценных наблюдений: если накопитель нагревается и вибрирует, его надо менять. Не заменишь – спечется. Зато когда он испускает холодный пар – все нормально, очень качественный попался накопитель, прослужит долго. Да Сильва рассказал Сомову одну инженерскую байку. Знакомится как-то корабельный инженер с конструктором накопителей. Совершенно случайно, кстати. Ну и спрашивает у конструктора: мол, когда вибрирует, сколько еще может продержаться – по

вашей конструкторской задумке? Тот с ужасом переспрашивает: «А что, он вибрирует?» – «Ну да. Все они вибрируют, когда старые». – «Молодой человек! Накопитель не может быть старым, он почти что вечен». – «Как же так? И что, греться он тоже не может, и пар не выпускает, и не искрит, и запах свежего сена от него не идет первые двое суток работы?» – «Свежего сена?» – переспросил бедный конструктор и упал в обморок...

Вот он, узел накопителей. Сомов считал показания датчиков. Та-ак. Барахлит все там же, все так же, все с теми же симптомами, только неизвестно что. Беда в том, что накопитель не только собирает рассеянную энергию, он, сволочь, ее тоже рассеивает...

Капитан-лейтенант машинально похлопал себя по карману.

– Сигаретки потерял, амиго?

За спиной у него стоял Хосе, довольная рожа.

– Хочешь, зажигалочкой поделюсь?

Издевается. В училище Сомов мучительно бросал курить, и с третьего раза все-таки бросил. Чистился какой-то химией, ходил к гипнологу, истязал свой рот кислыми леденцами, словом, заплатил полную цену. Потому что на боевые корабли курящих не берут. Там и без того воздух... как бы это получше выразиться? – не лесной. Но привычки старого, насквозь протабаченного курильщика остались...

– А-а, к нам пожаловал сеньор сапожный вор! Обувкой

моей интересуешься?

Хосе оценивающе прищурился на сомовские полусапоги. Так, наверное, кот-мышелов прикидывает, заметив очередную жертву: стоит ли поработать когтями, или, может быть, не марать лапы о такой лядащий образец?

– Такие есть уже у меня, амиго. И вообще, очередь твоя сегодня будет. Или ты что-нибудь имеешь против эспаньол?

– Ладно, пусть будет эспаньол.

Второй государственный язык Терры (первым было женеvское эсперанто) давался комендору с трудом. Сомов – другое дело. В испанском он был как рыба в воде. Но этот язык Виктор тайно недолюбливал за какую-то нарочитую торжественность. Поэтому разговаривали они с Лопесом чересполосно: то по-русски, то по-испански.

– Когда-нибудь вся эта драка закончится, Витя. И мы как следует отдохнем. За все рейды, за все вахты, за все дежурства.

– Ты про что, друг? Про Аравийскую лигу? Да в ней ли дело?

– Я понимаю, понимаю... Что ты про меня думаешь? Конечно, я понимаю. Лига – шуточки, прелюдия. С Женевской федерацией драки не миновать.

Сомов промолчал. Терра-2, его родина, двадцать лет жила ожиданием этой войны. Еще в школе мальчики и девочки заражались ее дыханием. Терранский планетоид считался подмандатной территорией женеvцев еще с 20-х годов про-

шлого века. Долгое время женевцы использовали его в качестве колоссального кладбища... Два года – с 2032 по 2034-й – туда транспортировали «этноизбытки» славян, в основном русских. Четыре года – с 2032 по 2036-й – на Терру-2 отправляли «этноизбытки» латиноамериканцев. Впоследствии Женева уже не имела возможностей проводить такую политику: прежние ее провинции стали Российской империей и Латинским союзом. А два этих государства *очень берегли* свое население, его итак оказалось маловато. Вся история Терры-2 – это история борьбы между сильнейшими кланами первопоселенцев, которые сумели выжить и укрепнуть в чудовищных условиях, и женевской администрации. Женевцы вечно говорили: «Дай!» Им старательно отвечали: «Самим мало!» И давали меньше, чем хотели на Земле, и больше, чем не жалко. Женевцы вечно стремились контролировать «силы безопасности» Терры-2. А терранцы допускали в армию и на флот лишь редких представителей администрации, из-за компетенции которых велись настоящие баталии... Женева жаждала полностью контролировать Терру-2, а «терроррусские» и «терролатино», сговорясь, чем дальше, тем резче отругивались: «Без сопливых разберемся!» С Земли грозили миротворческой акцией, Терра обещала «приголубить» миротворцев по полной программе. А Российская империя и Латинский союз тонко намекали, мол, у них имеются аргументы против жестких действий Женевы на Терре-2. Очень серьезные аргументы. До поры до времени обе стороны, ве-

дя переговоры на басах, все-таки уживались. Девяносто с лишком лет длится этот шаткий компромисс. И пора бы ему сойти на нет... Была у терранцев путеводная звезда: история страшной войны за независимость на Терре-8, ставшей в 2077 году Конфедерацией городов-общин Нью-Скотленд. Туда Женевская федерация в течение нескольких десятилетий отправляла самых страшных уголовников, всех, кто пытался быть революционером, а также сумасшедших ученых, чьи идеи были признаны несвоевременными и вредными. Однажды эта гремучая смесь сдетонировала. Женева билась за Терру-8 всеми средствами, и отступилась только тогда, когда обнаружила, что ведет боевые действия уже на Луне – в святая святых, преддверии Земли. Еще чуть-чуть, и перекинулось бы на швейцарские Альпы. Это была жутковатая техногенная война, не очень подконтрольная людям... Говорят, до сих пор локальные информационные сети время от времени скручивают странные судороги – эхо тех давних сражений. Но все-таки добились они своего, ведь добились! И теперь живут в своем Нью-Скотленде припеваючи. Еще женевцам принадлежат Терра-5 и Терра-7 – подмандатные планеты, заселенные соответственно китайцами вперемешку с выходцами из юго-восточной Азии и чернокожими. В 2068-м Терра-5 восстала. Женевцы положили у них там не то двадцать, не то все тридцать миллионов человек, но воли тамошним жителям не дали. От такого разгрома, Господи, упаси родную Терру-2! Впрочем, свобода никогда не стояла

дешево. А сейчас она буквально наступает на пятки... Собственно, вопрос стоит так: громыхнет у же сегодня, или есть передышка до завтра? Так что Сомову нечего было ответить Хосе. Когда один собеседник произносит «дважды два – четыре», как должен реагировать другой? Подтвердить? Опровергнуть?

– Витя, просто когда-нибудь кончится и это. Понимаешь? Мой отец был кадровым военным. Мой дед – один из первопоселенцев на Терре, я говорил. Они все так ждали независимости, а я жду того, что будет, когда мы ее получим.

– Да хорошо будет. Без сопливых разберемся в своих делах.

– Да. Верно. Но я про другое говорю. Очень ты все-таки жесткий, Сомов. Я про другое. Мне можно будет не служить, Витя. Совсем. Вот пройдет война, и я уйду со службы. Сейчас как-то стыдно. Я не военный человек. Мне служба жмет, как тесные сапоги; я бы и раньше вышел в отставку, но разве можно уйти, когда такое *на носу*?! На гражданке я бы работал намного лучше.

– Да ты комендор от Бога, Хосе! Что ты мелешь? Да ничего лучше флота нет и быть не может!

– Э! Флот... Космос... Меня на землю тянет. Витя, мне со зверьем легче, чем с людьми. Есть такая специальность: ихтиопищевик. Я все учебные программы собрал. Двухгодичный курс экстерном сдам, а там, глядишь...

– Ихтио... что?

– Короче говоря, рыбу в прудах разводить. Сейчас это бурно развивающаяся специальность. Я чувствую, Витя, мне надо именно туда, я там втрое больше и лучше сделаю, чем здесь. Со скотиной возился бы от души, но лучше – рыба. Скот жалко, его потом забивают, а рыба – тварь безмозглая, ничего.

– Ах ты перечница гражданская... Ладно. Потом пригласишь меня. Поживу у тебя... на земле. С женой, если не прогонишь.

– Не-ет, что ты! Давай. А хочешь, приезжай ко мне в Рио-де-Сан-Мартин, где я сейчас живу. Покажу тебе, какой это замечательный город.

– Точно. Рио – красивый город. Не то что наше уродство. И Катенька станет ревновать, как последняя дура, ко всем бабам, которые будут глазеть на мою форму.

Сомов и сам замечтался. Столица русского сектора и всей планеты, Ольгиополь, славится дикой беспорядочностью застройки. Рядом стоят настоящие дворцы и стандартные жилые кубы, такие стандартные, что тупее просто некуда. Проспекты мигом превращаются в проулки, регулярность в иррациональность, только парки там очень хороши... Рио-де-Сан-Мартин, столица испаноязычного сектора, строилась по специальному заказу командой архитекторов с Земли. Старый Хуан, некоронованный король сектора, старейший в клане Родригес, сказал исторические слова, они теперь кочают из учебника в учебник: «Это должно быть вроде рая

на земле. Люди станут с утра до вечера благодарить Бога за право жить в таком городе». Рая не получилось, но хорош, очень хорош легкий Рио, смесь мавританских каменных кружев, вечно опьяняющих испанские головы каравелл и мечтательной ностальгии всех терранцев по чудесам старой доброй Земли. Он похож на великолепный парусник, севший на мель посреди чужой планеты.

– Да ты разве не уйдешь в отставку? Ты же... ты же... говорят, тебя считали лучшим судостроителем во всем русском секторе! Зачем тебе... эти погоны? Я только и мечтаю: вот, сниму мундир и прежде всего как следует отосплюсь. Я буду спать неделями, месяцами...

– Не знаю, Хосе. Видно, меня слепили из другого теста. Мне нравится здесь, на флоте, как нигде раньше. Я чувствую себя здесь родным.

Лопес похлопал его по плечу:

– Ну, может, мозги твои еще встряхнутся и придут в порядок. В любом случае, Витя, я тебе, считай, назначил свидание. Как любимой сеньорите. Сразу после войны в Рио, у меня дома.

– Договорились.

И повернулся было Сомов к своим накопителям. Говорящая его спина вещала на всех волнах: друг Хосе, отлично мы с тобой тут поболтали, но у кое-кого сейчас рабочая вахта, и этому самому кое-кому надо б заняться делом... Прием.

Комендор не уходил. Спина приняла невербализованное

сообщение: топчется, он, топчется, какая-то заноза у него в голове. Потолковать бы надо. И Сомов смирился с неизбежностью.

– Говори.

Хосе раскрыл рот и поспешно захлопнул. Еще разок. Тот же маневр.

– Я... может быть, не сейчас.

– Да не виляй ты. Раз пришел, значит – говори.

– Ты только не подумай чего-нибудь дурного, Витя... Ты, кажется, хорошо знаешь ребят из абордажной команды... Вот, Ампудия всегда с тобой беседует...

– Ампудия – дурак.

– Ну все равно. Послушай, там один парень... Мичман. Его фамилия Семенченко.

– Бугаина этот? Разок за одним столом пили пиво. Удивляюсь, как в этакое верзиле поместился острый ум. Нет, правда. Раньше я всех их, ну, ты понимаешь, бугаев штурмовых и наподобие, считал колодами. Бойцы – и ладно. Что с них еще-то взять. Ан, нет, теперь вижу: зря это я. К ним тоже надо с разбором подходить.

– Черт. Катился бы ты в задницу, Сомов. Без тебя тошно.

Виктор уставился на собеседника, совершенно как зоолог на новую зверушку, никем не описанную, каталогов и классификаций избежавшую и притом довольно крупную. «Зверушка» восприняла его взгляд как реплику и немедленно принялась оправдываться:

– А что ты глупости говоришь, Витя? Какие, право, глупости...

– Что он тебе сделал, Хосе?

Молчит.

– Ведь сделал что-то, а?

– Мне кажется, Витя, Маша Пряхина уделяет ему внимания несколько больше приличного.

– А? А? Пряхина?

И на секунду старшему корабельному инженеру представилась совсем недавняя сцена, притом одна из десятка абсолютно аналогичных. Он сталкивается в коридоре с Машенькой, а Машенька в форме – пацан-пацаном, стрижка короткой, груди, если они и есть, начисто сплющены, худоба начисто отбирает у форменных штаников право что-либо обтягивать, хотя сведущие люди, делясь впечатлениями, сообщали: что обтягивать – есть. Коридоры на рейдере рассчитаны ровно на ситуацию двое-мимо-друг-друга-бочком-бочком! И вдруг госпожа лейтенант останавливается и, ничуть не пытаясь бочком-бочком разойтись, загоразивает Сомову дорогу. Нос ее занял позицию в десяти сантиметрах от сомовского. Глаза триумфально раскрылись. О! То есть, конечно, они и раньше были открыты, но женщины способны вытворять со своими глазами необыкновенные штуки, например, отдраивать их раза в два шире естественного формата. Пряхина взмахнула смертельно длинными, прямо-таки неуставными ресницами и выплеснула на Сомова

всю свою нерастраченную карюю глубину. А были это как раз сороковые сутки рейда. Капитан-лейтенанта посещала недобрая и нескромная мысль: вот, мол, маюсь, как Христос в пустыне... Где моя Ка-атенька, вернусь и залюблю до дыр! А тут... эта... развсталась. Виктор почувал антигравитационное неудобство в штанах. Вот ведь какое несовершенство конструкции! Адекватность управление отсутствует на чистое. Сейчас включается, когда не надо, а годков через двадцать не захочет включаться, когда надо.

– Ну-у-у? – примурлыкивая, томно поинтересовалась госпожа лейтенант.

– В который раз тебе говорю, Маша! Я подожду же...

—...ну... – договорила за него Пряхина, исследуя правой рукой то укромное место, откуда росли сомовские ноги, а левой – короткую стрижку старшего инженера.

Удар грома. Не слабее. Сороковые же все-таки сутки!

И дрогнул Сомов. На целых три секунды.

А потом вежливенько отстранил от себя фигуру страсти. Подальше. И столь же вежливенько откомментировал происходящее:

– А катись-ка ты к чертовой матери! Совсем взбесилась баба.

С тех пор Пряхина его не трогала. Два взрослых человека всегда найдут мирный и корректный способ, как решить даже самую сложную проблему...

Теперь вот Хосе.

—...Ну да, Пряхина. Что ты имеешь против?

Как распаленному латино поведать правду о его любимой? Так, чтобы все остались живы?

– И она... хм... оказывала тебе... хм... какие-то знаки внимания?

– Самые скромные, разумеется.

По затаенному восторгу, проступавшему сквозь поверхностный деланно-постный слой на лице Лопеса, Сомов понял как нельзя лучше: *еще более скромных* знаков внимания женщина просто не в состоянии даровать мужчине, особенно если она хорошенько запаслась контрацептивами.

Друг Хосе, страдавший в сердечных делах непобедимо-рыцарским комплексом человека, получившего от Господа Бога душу Дон-Кихота и внешность осла Санчо Пансы, в сущности, любил бы Машеньку Пряхину с латинской пламенностью безо всякой телесной ретуши, за несколько возвышенных фраз и какой-нибудь томный взгляд, машинально наведенный на него в режиме штатной проверки женского арсенала... «Но если уж дело зашло так далеко, то сейчас он, по всей видимости, должен чувствовать полный экстаз. Артисты группы „Психушка на гастролях“ снова с вами, парни! Хлебните эксцентрики».

И точно. Пока Сомов пессимистично размышлял, какое бы успокоительное ввести старшему комендору Лопесу за час до того момента, когда он даст на это согласие, и какая доза будет *ровно за полкрупинки до смертельной*, пото-

му что воспламененный Хосе меньшего не заслуживает, тот раскрыл рот и выдал первую непобедимую трель торжествующей любви.

– О, мой друг Виктор! Знаешь ли ты, как поет, мое сердце, как чист небесный ветер, овевающий его, будто крылья жаворонка? Знаешь ли ты, какие подвиги готов я совершить во имя драгоценного права произносить *ее имя*, глядя ей прямо в глаза и видя там искренний и жаркий ответ? Знаешь ли ты, какая радость и боль посещают человека, все естество которого наполнено соком любви? У него рвутся сосуды, не выдерживая напора...

Между тем, капитан-лейтенант знал совсем другое. **БОЛЬШОЙ МОНОЛОГ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ СТРАСТИ** длится не меньше получаса. Останавливать его – себе во вред. Было когда-то старинное такое оружие: огнемёт. Страшная штука, если не врут описания. Так вот, разумнее было бы попробовать заткнуть его жерло во время залпа собственной ладошкой, чем в здравом уме и твердой памяти пытаться задраить клапана комендору Лопесу...

Собственно, Хосе шел на третий круг. Во всяком случае, насколько знал его Сомов. Рецидивов, может, быть, и больше... Первый раз на памяти старшего корабельного инженера это была чудовищно накачанная штурмовица Маргарита, раза в два примерно больше самого Лопеса по габаритам. У нее имелась привычка перед хорошей дракой поворачивать голову направо, а потом налево, а потом поигрывать под-

бородком, так, чтобы позвоночные хрящи недовольно хрустели. Мол, проверила, каркас в порядке... Ready? Go! Для начала легкий прием гияки-дзуки. А теперь демонстрация из инби – очень помогает против тяжеловесов... Старшина Марго проявляла к Хосе несвойственную ее профессии нежность и предупредительность. Бывало, весь военный бар на венерианской атмосферной платформе давился, пытаясь не прыснуть, когда комендор и его любовь сидели за одним столиком, и он тихонько почитывал ей стихи, а она гладила его по затылку своей убийственной граблей и тонким голоском отвечала: «Воробушек ты мой...» И ни одна пакость мужского или женского пола не смела раскрыть рот и высказать заготовленное похабство, потому что... потому что... ведь на месте зашибла бы гадину. Кроме того, экипаж рейдера испытывал необыкновенную гордость за этакую невидаль на родном борту, и чужим не простил бы самое невинное хихиканье. Даже за глаза. Говорят, ребята откорректировали одному весельчаку бас до дисканта... Хосе тосковал целый месяц, когда Марго сломала во время самого обыкновенного тренировочного спарринга ногу и отправилась сначала в госпиталь, а потом на Терру, поскольку и среди абсолютно здоровых людей хватало желающих подраться с Лигой. Потом он попытался перенести неистовство чувство на старшего помощника Елену Торрес. По первости Торрес ничего не поняла. Некоторые злые распространяли версию, будто госпожа старший помощник не располагает драйверами,

позволяющими распаковать папку, озаглавленную «любовь к существу ниже по званию». Другие, правда, утверждали, что она просто вполне нормальна. «Да ну-у? – не отступались скептики, – нормальна и оказалась среди нас? Не верим». Как бы там ни было, второе свидание в кают-компании закончилось, толком не начавшись. Хосе Лопес успел пропеть лишь несколько самозабвенных нот, и тут Торрес голосом сержанта инструктора скомандовала: «Отставить любовь, господин капитан-лейтенант!»

Надо полагать, Пряхина его так просто не отпустит. Для нее это слишком сладкая и слишком экзотическая игрушка, чтобы ограничиться кратковременным юзингом. «Нет, не отпустит его Машка. Уж точно не отпустит. – Размышлял Сомов над печальной судьбой огненного латино... – Не понимает милосердия к пентюху». Она еще при Марго и Торрес пыталась заполучить Хосе-сладкопевца, однако в ту пору рыцарственная верность не позволяла Лопесу рассеивать любовный пыл. Да и чувствовал он в Пряхиной неизъяснимую, как он говорил на чистом русском языке, «низменность». Однако в отсутствии конкуренции кому, как не ей должна была достаться виктория?

Глядя на старшего комендора Лопеса, отличного офицера, низкорослого, мелкого, слегка лысеющего уже, и вечно растрепанного мужчину, умного и нерасчетливо страстного, холодного за главным пультом своего артвзвода и кипящего в присутствии очередной дульсинеи, Виктор с холодной

ясностью осознал две мужские истины. Во-первых, положение женатого человека имеет колоссальный запас плюсов. Во-вторых, полная невинность ничуть не лучше, поскольку однажды весной ты начинаешь засматриваться не на жуков, а на женщин, и тут кранты твоей невинности. Слезай! Абзац пришел за тобой. Он все равно приходит за всеми, причем первыми гинут лучшие.

—...и когда каждый миллиметр твоей плоти просит встречи, просит возможности хотя бы видеть ее, когда свидание уже не способно утолить желание и лишь прерывает мучительную ломку...

«Господи, какой идиот на моей шее! И что у него там с этим проклятым Семенченко?»

Лопес когда-то был единственным человеком, который даже не пытался подтрунивать над его свежеиспеченным капитан-лейтенантством. Да и хороший ведь он мужик, хоть и с тараканами в башке, да?

11 минут. Надо опускать занавес.

– Семенченко!

– Да? Ой. – соловей прервался моментально. Инерция – ноль.

«Первый раз его так просто удастся остановить. Без применения тяжелого оружия...»

– Что – да?

– С недавних пор я в мучительном сомнении: не является ли он моим соперником? И соперником счастливым, Ви-

ты! Знаешь ли, как я мучаюсь? Непереносимая боль... Мне приходится даже пользоваться вот этим. – Лопес вынул самодельную фляжечку, выточенную с феерическими понтами из невозможно секретной ракетной детали, какие все на строгом учете.

– Какой там состав?

– Да коньяк, коньяк... Предлагаю принять участие. Ты как?

«А был абсолютным трезвенником...» Крепко пьющий Виктор Сомов бережно вынул из рук старшего комендора фляжечку, понюхал и быстрым движением вылил содержимое в утилизатор. При этом он чувствовал себя неизлечимым извращенцем.

– Ты с ума сошел!

– Чтоб я больше этого не видел. В рейде! Дубина. Обалдел мужик. Лупить тебя некому! ЧТО? Закрой рот. Терпи. Как все. Заткнись. Терпи! Я сказал.

И кадровый офицер с двенадцатью годами службы за плечами послушался. То есть он, понурившись, всем своим видом предъявил совершеннейшую покорность. «Совсем человека перекарежило...» – пожалел его Виктор.

– Почему ты заподозрил... насчет Семенченко?

– Я видел, Витя. Она ему улыбалась. Несколько раз. – Хосе вздохнул со скорбью обреченности.

«А для Машеньки это, дай Бог, номер сто тридцать восемь. С легким форсажем в направлении сто тридцать де-

вать... Объяснить невозможно. Помочь невозможно. Разве что, поднять дуралею настроение. Временно. До полной аварии».

– Да ты о чем, Хосе? Глупости, парень. Подумай сам, кого она предпочтет: ты, взрослый, серьезный мужчина, годный в супруги до последней детали, жизнь знаешь, характер такой... какой бабам нравится. Понял? А он – кто? Так, шалопай, пацан. Никакой солидности.

– Полно, Витя! К чему так дурносмысленно?... нет... ээ... так примитивно утешать меня! Я не верю.

– Приглядишься к моей морде, огрызок испанского рыцарства! Ну, пригляделся? Ответь, я похож на парня, который дешево утирает соплю другу, сохнущему по шлюхе? А? Я серьезный человек, Хосе.

– Ну... возможно. – Лопес и не поверил бы, и не заулыбался бы уж конечно, если бы с самого начала не жаждал поверить и улыбнуться. Романтический чудак... безотказно-надежный в бою. Как пистолет.

Они поговорили еще немного. Потом комендор ушел, почти счастливый.

...Итак, на чем прервались? Ага. Беда в том, что накопитель не только собирает рассеянную энергию, но и сам рассеивает часть ее. Иногда чуть-чуть, едва заметно, а иногда – гомерическими порциями. Накопительная батарея рейдера «Бентесинко ди майо» с жутковатой неизменностью «фонтанирует» по средам и пятницам условного календаря. Иногда

после очередной «протечки» на техническом посту попросту невозможно находиться. Волосы встают дыбом, наполняясь маленькими колючими молниями, в ушах звенит, током лупит ото всего, даже от предметов, которые в принципе не могут проводить электричество – не из того сделаны...

Четыре месяца назад, когда случилось в его жизни непостижимое событие, Сомов тоже пытался наладить накопители, хотя бы понять причину... Каждый раз приходилось менять старый, сбрендивший блок на новый, а это ужасное расточительство, поскольку старый был новым вот только что. Так дела не делаются. Чего он только не перепробовал! Усиливал рамы, подстыковывал через нештатные кабели, измерял химический состав воздуха на посту, проверял, не чудит ли что-нибудь в соседних отсеках. Тщетно. Всякий кончалось одним и тем же – он выносил очередной протекший накопитель в мусорный створ. Иначе невозможно: те несколько минут, пока старший корабельный инженер добирался до створа, его доброе имя полоскали все, кому не лень. Вся электроника в отсеках на его пути неожиданно впадала в краткое, но буйное помешательство. Оставь такую вещь внутри, а не за бортом, глядишь, и весь рейдер сбрендит... Решение проблемы, сам того не желая, подсказал ему кок, лейтенант Деев. Когда Сомов совершал последнее скорбное шествие к створу, тот вышел и произнес по поводу происходящего несколько особенно флотских фраз. Сомов не выдержал, развернулся и скорым шагом попер на кока. Кок от-

прыгнул каким-то кошачьим боковым скоком. Виктор ему, голосом маньяка-убийцы:

– Что у тебя тут, гнида, рехнулось? Рефрижераторная камера? Такой же обмылок, как и ты сам?

– Ты! Зря я тебя кормлю, уroda!

– Либо ты заткнешься, либо...

В ту же секунду кок распахнул дверцу рефрижератора с воплем:

– Полюбуйся!

Это уже потом, постфактум Сомов осознал, что камера выдала какую-то умопомрачительную антарктиду вместо режима «медленная разморозка», и все харчи, приготовленные для ужина, превратились в ледяные игрушки Снежной королевы. А тогда он со зла засадил накопитель прямо в середину продуктовой кучи. Деев схватил деревянную мясобойку и уже прицеливался добраться до сомовского черепа. Вообще, коки – нервные люди. Все ими недовольны и почему-то никто не держит это недовольство при себе... Но тут Сомов заорал ему:

– Постой! – и кок моментально оставил мысли о смертоубийстве. Такое у Сомова сделалось лицо...

Индикатор, маленький светящийся ярлычок на неисправном блоке, горел в положении «режим/норма». Одновременно рефрижератор заработал, как надо.

С тех пор Сомов, не мудрствуя лукаво, кладет все протекшие накопители в холодильник и вынимает их оттуда совер-

шенно исправными. На вопросы «почему» и «как» ему не сумел ответить никто. Отправлять через начальство запрос в КБ капитан-лейтенант просто постеснялся: если уж от одной простой вибрации людей кондрашка хватается, то от такого, пожалуй, паралич разобьет...

Четыре месяца назад фокуса с холодильником он еще не знал.

Четыре месяца назад, во время жуткого рейда к Трансплутону, целая флотилия вражеских крейсеров и фрегатов организовала настоящую загонную охоту на «Бентесинко ди Майо». Старший корабельный инженер, злой, встревоженный, как и весь экипаж, усталый до умопомрачения, поскольку на предельных режимах работы из строя выходило то одно, то другое, двое суток не спавший, с ужасом выслушал доклад Гойзенбанта о новой протечке.

– Сменить. Старый выбросить.

– Господин капитан-лейтенант... сменить не можем.

– Что?

– Не можем сменить. Током бьет через все изоляторы. Или даже не током, а какой-то чертовщиной.

– Чем бьет?

– Чертовщиной, господин капитан-лейтенант. Внештатным мистическим явлением, предположительно имеющим отношение к христианскому мировидению. Это я вам как неверующий иудей говорю.

– Откуда у меня такое терпение к некоторым нижним чи-

нам?

– Я незаменимый специалист, господин капитан-лейтенант. Специалист экстра-класса.

– Последний незаменимый специалист умер от раздувания зоба еще в прошлом веке... – ответил Сомов и отправился к узлу накопителей. Совершенно так же, как и сегодня, четыремя месяцами позднее. Только тогда он пребывал в куда более мрачном настроении.

Светопреставление началось у самого входа. Сомова дернуло от электронного замка, который вроде бы полностью изолирован непроводящей оболочкой. «Быть того не может...» – подумал Виктор и получил по второму разу. Посылая замок к его, замковой механической матери, родне и всей перекошенно ориентированной братии проектировщиков, Сомов сходил за легким ремонтным скафандром, гарантирующим от *любых* случайностей, кроме спонтанного суицида. Проклятый замок поддался.

Узел накопителей, маленький такой чуланчик с рядами сменных блоков, встретил старшего корабельного инженера блистательным фейерверком. «Больной» накопитель мертвенно светился и вонзал коротенькие молнии в соседей-коллег. Летели искры. Кроме-того, Сомов никак не мог отделаться от впечатления, что всю эту огненную свистопляску он видит сквозь легкую дымку, почти прозрачный туманец... Столько суперэффектов зараз капитан-лейтенант не наблюдал еще ни в одном корабельном узле. За всю свою

флотскую жизнь.

Разряда он не боялся. От разряда его защищал скафандр. Виктор, скорее, опасался вынести *такой* накопитель наружу: что из судовой электроники решительно и навсегда рехнется от одного его присутствия, предсказать невозможно. Надо бы поторопиться.

Он приступил к работе, и, как назло, в тот раз все валилось из рук, ломалось, не стыковывалось, не отворачивалось, застревало в пазах и норовило упасть прямо на ноги. Так бывает иногда. Глаза слипались, глаза не желали функционировать в рабочем режиме.

«За что мне такое, Господи?!»

Он не сразу заметил эту напасть. Другие напасти уже успели довести старшего корабельного инженера до белого каления. Их было слишком много сразу. Опомнился капитан-лейтенант только тогда, когда перед его мысленным взором завертелась картинка из времен первого месяца в училище. Кухонный наряд. Допотопный электропротивень, рассчитанный для производства трехзвонного омлета. Первобытная тряпка у него, Сомова, в руке. И вот он оттирает агрегат, а тот отвечает легоньким покалыванием в пальцах, происходящим то ли от какой-то неуместной сырости, то ли от неисправности противня, то ли от его естественной старости... Словом, на второй минуте правая рука уже тряслась от полученных ею микроразрядов. Так вот, сейчас он почувствовал такое же покалывание в пальцах и, значит, защита

скафандра оказалась пробитой.

«Господи! Зачем я здесь? Не могу больше. Убери меня отсюда подальше, Господи!»

Шла война, за рейдером неслась целая стая «гончих», надо было отремонтировать чертов накопитель, иначе будет хуже. Иными словами, Сомов тогда продолжил свою возню, решив не обращать внимание на мелочи. Покалывание усилилось.

«Твою мать! Быть того не может. Мать твою!»

А потом все чуланчик перекосило... падал он тогда? нет? Черт. И какая-то чушь пошла, полный идиотизм: молочный кисель в башке, припадок ужаса, удушье... Хрясь! Даром, что скафандр, а локоть отбит вчистую...

Оба!

Самый жуткий момент был как раз, когда он завопил: «Оба! Оба! Оба!» Ничто иное не пришло ему в голову. Чуланчик нафиг пропал. И накопители с ним, язвы их в душу. Комнатушка. Совершенно гражданская. Какая-то неуловимо чужая и очень тесная. Это еще кто?

Тут-то Сомов и заорал. Над ним склонилось его собственное отражение в зеркале. Притом само зеркало оно куда-то дело. Заглянуло в лицо и разинуло рот. Тоже, что ли, кричит? И какого хрена на нем не скафандр, а обтягивающий чехольчик, бабский по виду? Притом совершенно незнакомого, прежде никогда не виданного Сомовым фасона.

Мысли пошли одна другой приятнее: «Током дернуло? В

отключке валяюсь? Или уже в докторском хозяйстве под со-
усом из наркоза? А? А может, уже в коме? И видится мне
дурь, а на самом деле я ни одной лапой не могу пошевелить,
а глаза открыть – подавно? Горячка белая? Так я которые
сутки в рот не брал! Или так оно и бывает, когда шарики за-
едут за ролики, и в мозгу происходит внештатный апгрейд?
С галлюцинаций, значит, все начинается»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.